

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

На правах рукописи

МИЦЮК Наталья Александровна

**МАТЕРИНСТВО У ДВОРЯНОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ И
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Москва 2016

Диссертация выполнена в секторе этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Научный консультант: **Пушкарёва Наталья Львовна,**
доктор исторических наук, профессор,
зав. сектором этногендерных исследований
Института этнологии и антропологии им. Н.Н.
Миклухо-Маклая РАН

Официальные оппоненты: **Белова Анна Валерьевна,**
доктор исторических наук, доцент,
зав. кафедрой всеобщей истории
Тверского государственного университета

Мухина Зинара Зиевна,
доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой гуманитарных наук СТИ НИТУ
«МИСиС»

Веретенко Валентина Александровна,
доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории
Ленинградского государственного университета
им. А.С. Пушкина

Ведущая организация: кафедра этнологии,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Защита диссертации состоится 21 июня 2016 года в ____ на заседании Диссертационного совета Д 002.117.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций на соискание учёной степени доктора наук при Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук по адресу: 119991, Москва, Ленинский пр., д. 32А.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и на сайте www.iea-ras.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Учёный секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук

Елена Сергеевна Данилко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Материнство – важнейший социокультурный феномен как в историческом прошлом и настоящем человечества, так и в жизни отдельно взятой женщины. Вопреки трансформации социально-экономических, политических отношений, оно остается наиболее стабильным из социальных институтов, представляющим незримую основу для жизни и развития самого общества. Мать выступает транслятором духовных ценностей, оказывает определяющее влияние на конкретного человека и на социум в целом. Материнские практики, относящиеся к области частной жизни, отражают состояние и эволюцию самого социума, так как затрагивают все без исключения сферы человеческого бытия.

Культурные и социальные антропологи, доказав различия материнских практик не только у разных народов и в контексте различных культур, но и в исторических периодах, актуализировали необходимость изучения трансформации материнства в прошлом человечества. Нерепрезентированность исторических, социальных особенностей материнской заботы, недооцененность материнских чувств и практик в российском научном дискурсе, а также противоречивое восприятие женщины-матери на протяжении веков актуализируют настоящее исследование, которое призвано внести свой вклад в институционализацию историко-антропологического изучения материнства и в выявление уникальных черт материнской повседневности в историческом прошлом России.

Изучение материнства в качестве сложного социального института имеет особую актуальность для нынешнего российского общества в период трансформации семейных ценностей, гендерных ролей и статусов, противоречивости демографических процессов, интенсивного развития новых медицинских технологий, оказывающих существенное влияние на культуру материнства и деторождения. В контексте современного комплекса правительственных мер по повышению рождаемости, культивирования в общественном сознании высокого статуса женщины-матери, с развитием репродуктивных технологий, трансформации нуклеарной семьи, общественных и научных дискуссий о правовом статусе абортос весьма актуальным является изучение истории семьи и материнства в России в условиях значительных социально-экономических и политических изменений в обществе.

Анализ материнских практик в среде дворянского сословия во второй половине XIX – начале XX века обладает особой значимостью и актуальностью. Меняющиеся условия жизни, выразившиеся в разложении патриархальной семьи, разорении помещичьего дворянства, активизации процесса урбанизации, увеличении количества разводов, феминизации и эмансипации общества, медикализации частной жизни, разрушали традиционный мир дворянок. Всё это накладывало существенный отпечаток на материнские роли, прокреативное и сексуальное поведение женщин. В условиях тяжелейших потрясений, когда

исчезал традиционный мир дворянской культуры, острее всего ломку социальных, духовных процессов на себе ощущали именно матери, ответственные за жизнь своих детей, озабоченные их дальнейшей судьбой. Это время уникально и интересно для настоящего тем, что оно даёт нам возможность увидеть разные типы матерей от полнейшего погружения в свои обязанности, до их отрицания.

Степень изученности проблемы. Материнские исследования на Западе – динамично развивающееся направление междисциплинарного научного поиска, объединившее историков, социологов, антропологов, этнологов, гендерологов, философов, филологов, психологов, целью которого является всестороннее изучение комплекса тем, связанных с материнством. В России материнская тема в большей степени отражена в работах социологического и психологического характера, нежели исторического. Проблемы материнства фрагментарно раскрыты в контексте исторической этнографии (этнография родительства и детства) и гендерной истории. Несмотря на то что отдельные сюжеты материнской темы рассматривались российскими этнографами более века назад, до сих пор в отечественной историографии не появилось комплексного, междисциплинарного и концептуального исследования материнской повседневности, эмоциональных переживаний матерей прошлого.

В *трудах дореволюционных* российских историков (1860–1917 гг.), несмотря на присутствие исследований по истории женщин, материнская тема не нашла отражения. Историки обращали внимание исключительно на достижения женщин в публичной сфере, поэтому их привлекали императрицы, общественные деятельницы, благотворительницы, участницы общественно-политических движений, учёные, но никак не матери. С.С. Шашков представлял историю русской женщины доиндустриальной России как процесс её освобождения от семейного рабства¹. Е.Н. Щепкина, затронувшая вопросы юридического положения жён и вдовиц², И.Е. Забелин, исследовавший быт русских цариц, Е.О. Лихачёва, изучавшая историю образования женщин³, не касались материнских ролей дворянской женщины в обществе.

Впервые материнская тема в контексте изучения семейных, родинных обрядов была представлена в работах этнографов (И.И. Средзневского, Д.Н. Жбанкова, А.П. Редько, Ф.В. Покровского, В.Н. Харузиной, А.О. Афиногенова и др.)⁴. Исследую семейные традиции, родительские отношения, практики

¹ Шашков С.С. История русской женщины. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1879. С. 124.

² Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1914.

³ Лихачёва Е. Материалы для истории женского образования в России. 1856–1880 гг. М.: Тип. И.Н. Кушнерев, 1901.

⁴ Средзневский И.И. Роженицы у славян и других языческих народов // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемых Н. Калачевым. Книга вторая. Половина первая. М., 1855. С. 97-122; Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губ. тип., 1891; Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери. М., 1899; Покровский Ф. О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // Живая старина. 1896. Вып. 3–4. С. 457-476; Харузина В.Н. Несколько слов о родильном и крестильных обрядах и об уходе за детьми // Этнографическое обозрение. 1906. № 1–2; Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной

родовспоможения, этнографы обращались исключительно к традиционной культуре, сформировавшейся в крестьянской среде. Высшие слои общества, не маркируемые народной культурой, выпадали из поля зрения учёных.

Развитие научной медицины, социально-демографические проблемы, общественная дискуссия о необходимости государственной охраны материнства и детства актуализировали исследования материнства и репродуктивного поведения низших слоёв общества со стороны медицинского сообщества⁵. Акушеры, гигиенисты, демографы анализировали статистические данные, связанные с женской плодovitостью, рождаемостью и младенческой смертностью⁶. Охрана материнства и детства также становилась предметом для научного анализа⁷. Исследователями был собран уникальный фактический материал, позволяющий современным историкам материнства изучать особенности репродуктивного поведения городского и сельского населения дореволюционной России.

К изучению материнских практик в рабочей среде обратилась А.М. Коллонтай, лидер радикального феминизма в России⁸. Она была убеждена, что сама по себе проблема материнства – порождение капиталистической экономики. В её представлении материнство являлось особым социальным институтом, требующим активной поддержки со стороны государственной власти.

Таким образом, опубликованные работы были посвящены изучению тех или иных сторон родительства исключительно в рабоче-крестьянской среде. Материнские практики дворянства не изучались и не рассматривались в качестве особого предмета для научного исследования.

В советской историографии (1917–1990 гг.) история материнства в высших слоях российского общества не изучалась. В то же время советских исследователей стали привлекать темы, связанные с этнографией, социологией и демографией семьи. Экскурсов в историю не осуществлялось, анализировалось «текущее состояние дел» – основные тенденции брачности, рождаемости,

деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса жандармов, 1903.

⁵ Дерикер В.В. Физиологическая история женщины. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1873; Бензенгр В.Н. К антропологии женского населения Москвы и Центральной России. М.: б/и, 1879; Григорьев И. О половой деятельности женщин Мышкинского уезда Ярославской губернии // Врачебные ведомости. 1883. № 21-23; Олихов С. К вопросу о плодovitости крестьянок Кинешемского уезда // Земский врач. 1890. № 52. С. 849-868.

⁶ Котовщиков А.И. О смертности рожениц и родилиц. Сравнительная разработка данных западноевропейских государств и некоторых губерний России. Дис на ст. докт. мед. СПб.: Тип. Импер. ак. наук, 1880; Бобрицкий К.Ц. Рождаемость, брачность и смертность харьковского населения. Харьков: Изд. харьковского губернского статистического комитета, 1892; Куркин П.И. Детская смертность в Московской губернии и её уездах в 1883–1897 гг. М.: Изд-во губ. земства, 1902; Биншток Н.И. Смертность грудных детей в Петербурге за 10 лет (1906–1915 гг.). Пг.: Гор. тип., 1917.

⁷ Сутугин В.В., Воздвиженский Г.М. Краткий исторический очерк устройства Московского родовспомогательного заведения и медицинский отчёт за 1888 год. М.: Изд. Моск. гор. думы, 1889; Иванов В.М. Детская смертность и значение «Капли молока» в борьбе с нею. Новочеркасск: Дон. печатник, 1911; Гордон Г.И. Охрана материнства и детства в России. СПб.: б/и, 1913; Гиндес Е.Я. Об охране материнства // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. Стб. 58; Герасимович В.П. Кормиличный промысел и меры законодательной его регулировки // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. Стб. 480.

⁸ Коллонтай А.М. Общество и материнство. Пг.: Жизнь и знание, 1916.

плодовитости и проч.⁹. В условиях демографического кризиса послевоенного десятилетия стали появляться работы, авторы которых исследовали рождаемость и развитие педиатрических знаний в истории России и СССР (Э.М. Конюс, М.Ф. Леви)¹⁰. Материнская тема нашла здесь отражение в контексте медицинского анализа существовавших практик родовспоможения и ухода за новорожденными.

Исключительным по характеру раскрытых тем явился научный сборник «Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР», изданный в 1977 году¹¹. В сборнике были опубликованы исследования известных советских социологов, экономистов, демографов и историков (Б.Г. Миронова, А.Г. Вишневского, М.В. Курман, Р.И. Сифмана, О.В. Марченко) демографического поведения населения, в том числе на основе источников дореволюционной России. Новаторским явился подход Б.Н. Миронова, который воссоздавая социально-психологическую модель демографического поведения русского крестьянина XIX – начала XX веков, совместил объективные (статистические) и субъективные источники (фольклорные материалы, свидетельства врачей) в анализе мужской и женской фертильности. А.Г. Вишневский, характеризуя рождаемость пореформенной России, сделал вывод о формировании в данный период «нового типа рождаемости».

Несмотря на появление с конца 1970-х годов исследований, посвящённых истории российского дворянства, в центре изучения находилась социально-политическая, экономическая история сословия¹². О женщинах если и писали, то исключительно в контексте их участия в революционном движении¹³. Уникальными в методологическом и источниковедческом отношении явились диссертационные работы Е.И. Мокряка, С.С. Минца, основанные на анализе дневников и мемуаров российского дворянства с конца XVIII до начала XX века¹⁴. Историки впервые вводили в научный оборот большое число документов личного происхождения (преимущественно принадлежавших представителям мужского пола), прежде относимых советской историографией к второстепенным историческим свидетельствам.

⁹ Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М.: Медицина, 1969; Сифман Р.И. Факторы рождаемости в СССР. М.: Самоквасов, 1974; Антонов А.М. Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семей // Вопросы теории и методов социологических исследований. М.: Статистика, 1974; Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М.: Наука, 1979; Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.: Наука, 1979; Машика Т.А. Занятость женщин и материнство. Экономико-статистическое исследование. М.: Мысль, 1989; Поленина С.В. Труд, семья, быт советской женщины. М.: Юрид. литература, 1990.

¹⁰ Конюс Э.М. Истоки русской педиатрии. М.: Медгиз, 1946; Конюс Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества. М.: Медгиз, 1954; Леви М.Ф. История родовспоможения в СССР. М.: АМН, 1950.

¹¹ Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977.

¹² Соловьёв Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л.: Наука, 1973; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л.: Наука, 1978; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. состав, численность, корпоративные организации. М.: Наука, 1979.

¹³ Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988.

¹⁴ Мокряк Е.И. Дневники и мемуары как источник для изучения социальной психологии дворянства России второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1977; Минц С.С. Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII – первой трети XIX вв. в освещении источников мемуарного характера: автореф. дис. . канд. ист. наук. М., 1981.

В 1970 – 1980-е годы теоретическому анализу подлежали проблемы, связанные с институтом семьи и родительства, рождаемостью всё также в контексте демографического вопроса на основе статистических материалов (А.Г. Харчев, А.Г. Вишневский, Л.Е. Дарский, С.И. Голод, А.И. Антонов, Ю.И. Семёнов)¹⁵.

С 1980-х годов учёными Института этнографии АН СССР стал разрабатываться проект этнографии детства. Новые горизонты для развития материнской темы в России обосновал И.С. Кон¹⁶, который полагал, что данная область должна занять особое место в отечественных историко-этнографических исследованиях¹⁷.

В *постсоветской историографии* проблема родительства привлекла социологов, демографов, затем психологов и филологов и только потом историков и антропологов. В связи с актуализацией новых исследовательских методов, вовлечением в научный оборот новых источников, влиянием зарубежных научных подходов, произошли существенные изменения в ракурсе историко-этнографических исследований. Продолжая изучать обряды, связанные с семейной жизнью, родительством, деторождением в крестьянской среде, этнографы (А.К. Байбурин¹⁸, Г.И. Кабакова¹⁹, Е.А. Белоусова²⁰, Т.А. Листова²¹, Т.Ю. Власкина²², Д.А. Баранов²³) обратили внимание на важные аспекты женской (материнской) телесности, своеобразие переживаний обрядов переходного цикла, затронули новые проблемы материнской повседневности такие, как «нечистоты» женщины²⁴, участие мужа в родильном обряде²⁵. Новаторскими явились публикации Т.Б. Щепанской, которая репрезентировала современную «субкультуру материнства» с позиции «носительницы традиции и её

¹⁵ Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974; Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979; Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи / Демографическое развитие семьи. М.: Наука, 1979; Антонов А.И. Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980; Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982; Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984.

¹⁶ Кон И.С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. 1987. № 6. С. 31-38.

¹⁷ Кон И.С. Ребёнок и общество. М.: Academia, 2003. С. 262.

¹⁸ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

¹⁹ Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001.

²⁰ Белоусова Е.А. Родовая боль в антропологической перспективе // Arbor Mundi: Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 1998. Вып. 6. С. 48-59.

²¹ Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с крещением. Родильные обряды и обычаи // На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии западноуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 268-286; Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой: вторая половина XIX–20-е годы XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М.: Крон-Пресс, 1989.

²² Власкина Т.Ю. Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М.: РГГУ, 2001. С. 61-79.

²³ Баранов Д.А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: РГГУ, 2001. С. 9-30.

²⁴ Листова Т.А. «Нечистота» женщины (родильная и месячная) в обычаях и представлениях русского народа // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Ред. А.Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996.

²⁵ Баранов Д.А. Мужские «роды» (этнографический факт и его интерпретации) // Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарёва. М.: Изд-во «Лабиринт», 2004.

исследователя»²⁶. Изучение современной городской культуры рождения продолжила Е.А. Белоусова, активно применяя этнографические и социологические методы²⁷. Своеобразной кульминацией в изучении родинного обряда отечественными этнографами стал круглый стол «Повитухи, родины, дети в народной культуре», проводимый в РГГУ в 1998 году. В опубликованном научном сборнике исследователи анализировали современные родильные практики, соотнося их с традиционной родинной обрядностью²⁸.

С конца 1990-х годов интерес к изучению института семьи и родительства стали проявлять философы, культурологи, педагоги, социологи и психологи (С.И. Голод²⁹, Б.М. Бим-Бад³⁰, В.А. Рамих³¹, В.И. Брутман³², Г.Г. Филиппова³³). С.И. Голод, Б.М. Бим-Бад полагали, что трансформация прокреативного поведения населения России с начала XX века привела к революционным изменениям в социальной и гендерной организации общества.

В 2000-е годы, в связи с всплеском научного интереса к истории отечественной благотворительности и медицины, на основе новых архивных материалов была изучена политика в области охраны материнства и детства в дореволюционной России (Г.Л. Микиртичан, Е.П. Белоножко, Т.Г. Яковенко, Е.В. Колганова и др.)³⁴. Однако данное направление не способствовало развитию истории материнства, так как в центре исследовательского интереса находилась не мать с её повседневными заботами, а государственная политика и новые социальные институты охраны материнства и детства.

Так же как и в зарубежной историографии, в России важной предпосылкой к развитию материнских исследований в исторической ретроспективе стала актуализация женской, гендерной, повседневной истории и, в меньшей степени, истории детства. Основательница гендерной истории в нашей стране Н.Л. Пушкарёва, изучая частную жизнь женщины доиндустриальной России, впервые обратила внимание на повседневную жизнь матери, мир её чувственных

²⁶ Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15-27; Щепанская Т.Б. Сокровенное материнство // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.: Ладомир, 1996; Щепанская Т.Б. Мифология социальных институтов: родовспоможение // Мифология и повседневность. Вып. 3. СПб. 1999. С. 389-423.

²⁷ Белоусова Е.А. Родильный обряд // Современный городской фольклор / Ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. С. 339-370.

²⁸ Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М.: РГГУ, 2001.

²⁹ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998.

³⁰ Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Новый хронограф, 2010.

³¹ Рамих В.А. Материнство и культура: Философско-культурологический анализ. Ростов-на-Дону: Дон. гос. техн. ун-т, 1997.

³² Брутман В.И. Некоторые результаты обследования женщин, отказывающихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии 1994. № 5. С. 23-52; Брутман В.И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. 2000. № 2. С. 24-45.

³³ Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Изд-во Инстит. психотер., 2002.

³⁴ Микиртичан Г.Л. Основные этапы и направления развития отечественной педиатрической науки и практики. Дис...д-ра мед. наук. Л., 1991; Белоножко Е.П. История охраны материнства и детства органами социального призрения России, вторая половина XIX – начало XX вв. Дис...док. ист. наук. М., 2001; Яковенко Т.Г. Охрана материнства и младенчества во второй половине XVIII – начале XX вв.: на материалах Санкт-Петербурга. Дис...канд. ист. наук. СПб., 2008; Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX вв. Дис...канд. ист. наук. М., 2012 и др.

переживаний³⁵. Гендеролог подчёркивала важный недостаток материнских исследований в России – «цеховую ограниченность», которая заставляет историков и этнографов работать автономно, собирая «мозаику фактов», редко соотнося их с философскими и социологическими концепциями³⁶. Значение научных работ Н.Л. Пушкарёвой для развития истории материнства в России состояло и в том, что она наметила для отечественных учёных широкий круг исследовательских проблем, связанных с материнством.

В конце 1990 – начале 2000-х годов представителями различных научных школ были инициированы попытки междисциплинарного изучения истории материнства. Т.Б. Рябова одной из первых в России стала читать спецкурс, в котором были отражены темы, связанные с практиками родительства в историческом прошлом России³⁷. В 2006 году была организована общероссийская конференция «Материнство и детство в России, XVIII–XXI вв.»³⁸. В представленных докладах материнство рассматривалось исключительно с позиции социального института, без учёта культурных, исторических, сословно-классовых, этноконфессиональных особенностей материнской заботы.

На своеобразие материнских ролей в дворянском сословии доиндустриальной России впервые обратила внимание А.В. Белова в контексте изучения «женской повседневности». Новаторский подход гендеролога состоял в вовлечении в научный оборот множества женских эгодокументов. Материнство рассматривалось исследователем не в качестве социального института, а в качестве сложно переживаемых практик. А.В. Белова репрезентировала такие табуированные области частной жизни дворянок XVIII – середины XIX веков³⁹, как культура девичества, вынашивание детей, родовспоможение (до этого родильные обряды изучались этнографами исключительно в народной среде)⁴⁰. В

³⁵ Пушкарёва Н.Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений. Дисс.... д-ра ист. наук. М., 1997; Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X–нач. XIX в.). М.: Ладомир, 1997; Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 72-79; Пушкарёва Н.Л. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII – начала XIX в. // Расы и народы / Ред. И.В. Власова. М., 1998. С. 104-136; Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в русской семье XVIII – начала XIX в. // Социальная история. 1997. М., 1998. С. 226-249.

³⁶ Пушкарёва Н.Л. Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история // Научно-практический ежегодник Запад-Восток. 2014. № 7. С. 103-118.

³⁷ Рябова Т.Б. Женщина в средневековой истории. Материнство и отцовство как социокультурные феномены. Социальная феминология и гендерные исследования в России // http://www.owl.ru/win/books/dbras_who_is_who/r10.htm (дата обращения 11.11.2014).

³⁸ Материнство и детство в России, XVIII–XXI вв.: всероссийская научная конференция: Сб. науч. ст. / Ред. Ю.А. Поляков Ю.А. М.: МГУС, 2006. 338с.

³⁹ Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010.

⁴⁰ Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4. С. 45-63; Белова А.В. Русская девушка-дворянка: сексуальная и гендерная идентичность (XVIII – первая половина XIX в.) // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 5-19; Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX вв.). Автореф. дисс... д.и.н. М., 2009; Белова А.В. Организация родов и родовспоможения в дворянской среде России XVIII – середины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2. С. 29-48; Белова А.В. Послеродовой период как элемент родильного обряда в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 3. С. 69-88.

связи с тем, что в центре исследовательского интереса находилась «женская повседневность», рассматриваемая в контексте «четырех возрастов», материнские практики не выступили самостоятельным предметом изучения.

В исследованиях этнографа З.З. Мухиной, изучающей повседневную жизнь русского крестьянства пореформенной России, особое внимание было обращено на легитимацию таких важных областей женской крестьянской повседневности, как половая социализация крестьянской девушки, роды и послеродовой период, плодизгнание и контрацепция в крестьянской среде⁴¹.

Материнская тема была частично представлена в исследованиях по истории детства (О.Е. Кошелева, А.А. Сальникова, И.В. Синова и др.)⁴². В отличие от зарубежных историков детства, которые, репрезентируя мир детства, тесно касались родительских отношений, проблем материнской любви, «плохих» и «хороших» матерей, отечественные историки детства обошли стороной эти темы. Новаторскими по заявленным целям явились исследования В.А. Веременко, посвящённые истории дворянской семьи и детства в России во второй половине XIX – начале XX века⁴³. Изучив культуру детства в дворянской среде, историк прослеживает влияние важных модернизационных процессов на воспитание детей, уход за младенцами, трансформацию статуса незаконнорожденных, впервые затрагивая проблему «кормиличного промысла» в истории России⁴⁴, тем самым соприкасаясь с исследованием практик материнства в российском обществе.

Существенных результатов в изучении советского и современного материнства достигли представители отечественной гендерной социологии (О.Г. Исупова, Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина, Т.Г. Сологуб, Т.А. Гурко, Ж.В. Чернова, Л.Л. Шпаковская)⁴⁵. Ими были рассмотрены важные сюжеты

⁴¹ Мухина З.З. Плодизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре европейской России (2-я пол. XIX – 30-е годы XX в.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 147-160; Мухина З.З. Процессы социализации русской крестьянской девочки в пореформенной европейской России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 36-51; Mukhina Z.Z. Fetus Expulsion and Contraception Peasant Culture of the European Part of Russia: (Second Half of the Nineteenth Century through the 1930s) // Anthropology & Archeology of Eurasia. Vol. 51. № 3. 2012/13. P. 8-32.

⁴² Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.). М.: УРАО, 2000; Душечкина Е.В. Русская елка: история, мифология, литература. СПб.: Норинт, 2002; Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: КГУ, 2007; Бокова В.М. Детство в царском доме. Как растили наследников русского престола. М.: Ломоносовъ, 2011; Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. Серия История. 2013. Вып. 2 (22). С. 108-116; Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.

⁴³ Веременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Европейский дом, 2009; Веременко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015.

⁴⁴ Веременко В.А. Организация акушерской помощи дворянкам в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. Т.4. № 3. С. 138-144; Веременко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях во второй половине XIX – начала XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 18-31.

⁴⁵ Исупова О.Г. Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребенок нужен только Вам») // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98-107; Сологуб Т.Г. Материнство как социальный институт. Дис...канд. соц. наук. М., 2001; Черняева Н. Производство матерей в Советской России: Учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации // Гендерные исследования. 2004. № 12. С. 120-138; Градскова Ю. Дискурс «социального материнства» и повседневные практики социальной работы в 1930–1950-е годы // Журнал

социального конструирования материнских ролей, медикализации, коммерциализации материнства.

Несмотря на кажущуюся пестроту работ, связанных с проблемой родительства, в отечественной историографии отсутствуют концептуальные исследования по истории материнства в России. Определённые результаты были достигнуты отечественными этнографами, социологами и гендерологами. Однако их работы фрагментарны, междисциплинарный диалог практически не используется. Материнская тема зачастую является скромным дополнением к работам по проблемам семьи, детства, к гендерным и женским исследованиям.

Зарубежная историография демонстрирует устойчивый интерес к изучению института материнства в России в рамках направления *woman's studies*. Подавляющая часть исследований, принадлежащая зарубежным историкам и социологам, посвящена изучению тех или иных аспектов материнства в низших прослойках дореволюционного российского общества⁴⁶ и модернизации материнства в советской России⁴⁷. В то время как материнские роли советских матерей не раз выступали предметом исследований, остальные исторические периоды, за редким исключением, были обойдены вниманием.

Важной особенностью зарубежных исследований являлось то, что «русисты» стремились увязать историю материнства в России с борьбой женщин за свои права (Б. Энгель, Дж. Товров, Л. Энгельштейн)⁴⁸. Б. Энгель была убеждена в том, что российские феминистки были более радикальны в вопросах материнства (полностью его отрицали), нежели их западные «сестры»⁴⁹. В 1990-е годы

исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 187-198; Гурко Т.А. Трансформация института родительства в постсоветской России. Дис... д-ра социол. наук. М., 2008; Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: ЕУСПб, 2009; Чернова Ж.В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: ЕУСПб, 2013; Шпаковская Л.Л. Дискурсивное производство социального неравенства материнства // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 77-85; Тёмкина А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12 (3). С. 321-336.

⁴⁶ The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research / Ed. by D. Ransel. Urbana: University of Illinois Press, 1978; Ransel D.L. Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton: Princeton University Press, 1988; Ransel D. Village Life in Late Tsarist Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1993; Wood E.A. The Baba and the Comrade. Bloomington: Indiana University Press, 1997.

⁴⁷ Glickman R. Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914. Berkeley, London: University of California Press, 1984; Waters E. The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937 // Soviet Studies. 1992. Vol. 44. № 1. P. 123-135; Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; Wood E.A. The Baba and the Comrade. Bloomington: Indiana University Press, 1997; Woman in Russia and Ukraine / Ed. by R. Marsh. Cambridge: University of Cambridge, 1996; Bernstein F. Envisioning Health in Revolutionary Russia: the Politics of Gender in Sexual-Enlightenment posters of 1920s // Russian review. April 1998. P. 191-217; Hoffman D.L. Mothers in the Motherland: Stalinist pronatalism in its pan-European context // Journal of social history. 2000. № 1. P. 35-54.

⁴⁸ Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

⁴⁹ Engel B.A. Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983; Tovrov J. The Russian Noble Family: Structure and Change. New York. London: Garland Pub., 1987; Engelstein I. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-siècle Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992.

⁴⁹ Tovrov J. The Russian Noble Family: Structure and Change. New York. London: Garland Pub., 1987. P. 7.

материнские образы в русской художественной литературе стали привлекать зарубежных филологов⁵⁰.

«Русистика» 2000–2010-х годов слабо представлена направлением *motherhood studies*. Исследовательский интерес концентрировался вокруг гендерной истории⁵¹, изучения сексуального поведения современных россиянок⁵², истории семьи⁵³ и истории детства⁵⁴. Новаторской явилось исследование А. Куксхаузен⁵⁵, в котором была сделана попытка рассмотреть проблемы беременности, родов, грудного вскармливания в истории России XVIII века с позиции биополитики и медиализации. Однако акцент на официальные источники, игнорирование материнской субъективности привели автора к поспешным выводам.

Несмотря на интерес зарубежных исследователей к изучению материнства в России, предмет их научных изысканий избирателен, в связи с чем отдельные исторические периоды, социальные слои оказываются вне исследовательских стратегий, редко используются новые архивные материалы, ограниченность источникового материала приводит к противоречивым выводам.

Учитывая современное состояние исследований материнства в России, представленная работа направлена на изучение и выявление своеобразий в развитии материнской заботы в период существенной трансформации социально-экономической, культурной жизни российского дворянства. На мой взгляд, выбранный исследовательский ракурс будет способствовать актуализации и институционализации истории и антропологии материнства в качестве самостоятельного междисциплинарного направления в отечественном гуманитарном знании и развитию материнских исследований в России.

Объектом исследования в диссертации является повседневная жизнь представительниц привилегированного сословия православной части населения Центральной России во второй половине XIX – начале XX века.

⁵⁰ Andrew J. Mothers and Daughters in Russian Literature of the First Half of the Nineteenth Century // Slavonic and East European Review. 1995. Vol. 73. № 1. P. 37-60; Kelly C. A History of Russian Women's Writing. 1820–1992. Oxford: Clarendon Press, 1994; Kelly C. Educating Tatiana: Manners, Motherhood and Moral Education (vospitanie) 1760–1840 // Papers, presented to the Conference "Gender and Perceptions of Sexual Difference in Russian Culture and History". Birmingham. July 5. 1996.

⁵¹ Marrese M. Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. New York: Cornell University, 2002.

⁵² Rotkirch A. The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia. Department of Social Policy, Research Reports. Helsinki: University of Helsinki, 2000; Rivkin-Fish M.R. Women's Health in Post-Soviet Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2005; Rivkin-Fish M. Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of "Maternity Capital" // Slavic Review. 2010. Vol. 69. № 3. P. 701-725.

⁵³ Hutton M.J. Russian and West European Women, 1860–1939: dreams, struggles and nightmares. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2001; Engel B.A. Women in Russia, 1700–2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Rosslyn W. Women and Gender in 18th-century Russia. Charlottesville: Ashgate, 2003; Rosslyn W., Tosi A. Women in Russian culture and society, 1700–1825. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2007; Clements B.A. History of Woman in Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2012.

⁵⁴ Kirschenbaum L.A. Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932. New York, 2001; Kelly C. Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991. New Haven: Yale University Press, 2007.

⁵⁵ Kuxhausen A. From the Womb to the Body Politic: Raising the Nation in Eighteenth-Century Russia. University of Wisconsin Press, 2013.

Предмет исследования – эволюция материнских практик дворянок России во второй половине XIX – начале XX века, вызванная социально-экономическими и политическими процессами в обществе, социальным конструированием «идеального материнства», медикализацией и коммерциализацией частной жизни.

В представленном исследовании дворянство рассматривалось в качестве сложного социального образования, лишённого гомогенности. В этой связи обращено внимание на специфику материнских практик в различных социальных прослойках дворянства – поместного дворянства, дворян, постоянно проживавших в городе, провинциального и столичного дворянства, дворянской аристократии, дворянок, порвавших с собственной семьей, увлечённых общественно-политическим движением.

Хронологические рамки исследования – вторая половина XIX – начало XX века. Интерес к данному историческому отрезку был обусловлен стремлением проанализировать трансформацию феномена материнства в дворянском сословии, вызванную значительными переменами в социально-экономической, культурной и повседневной жизни общества. Нижняя граница рассматриваемого периода связана с началом активной либерализации России, проведением курса реформ, существенно изменившего повседневную жизнь дворянок, медикализации и коммерциализации частной жизни общества. Верхней границей исследования явилось начало XX века, а именно 1917 год, ознаменовавший наступление новой страницы в российской истории, в которой исследуемый социальный слой с его повседневными практиками и культурой оказался депривированным.

Территориальные рамки исследования обусловлены географией привлечённых женских автобиографических текстов. Большинство использованных архивных и опубликованных женских эгодокументов принадлежало православным представительницам русской части населения дворянства из Центральной и отчасти Северо-Западной России (Московской, Санкт-Петербургской, Смоленской, Тверской, Псковской, Костромской, Владимирской, Рязанской, Ивановской, Тульской, Ярославской губерний). Учитывая территориальную мобильность дворянства (наличие имений в различных губерниях), территориальный фактор не играл столь значительную роль для проводимого исследования, в отличие, например, от социального, этнического и конфессионального факторов.

Цель диссертации состояла в комплексном изучении материнских практик дворянства второй половины XIX – начала XX века в качестве важнейшей составляющей структур повседневности этого социального слоя, имеющей собственные социальные, культурные, поколенческие паттерны, в выявлении особенностей текстуальной репрезентации этого сложного эмоционального феномена для лучшего понимания строя мышления общества того времени и его гендерного режима. Для достижения заявленной цели были обозначены следующие конкретные **задачи**:

1) Проанализировать, каким образом создавались представления о новых материнских ролях, как реализовывалось социальное конструирование «идеального материнства» в экспертном дискурсе 1860–1917 годов; определить, какое влияние возникавшие концепты материнства оказывали на материнское поведение дворянок.

2) Выявить материнские типы, сформировавшиеся в России к началу XX века; найти объяснение тому факту, что в условиях либерализации, женской эмансипации, расширения сфер для проявления гендерной идентичности, рядовые дворянки ограничивали свою жизнь материнством; определить степень распространения инвариаций в сконструированном женском поведении.

3) Изучить культурантропологию российского девичества второй половины XIX – начала XX века, в особенности части, касавшейся проблем материнской социализации, сексуального просвещения; определить характер трансформации представлений дворянок об интимной и семейной жизни, материнстве, в связи с буржуазной модернизацией российского общества, с процессами женской эмансипацией, с либерализацией половой морали; выявить истоки инвертированности материнского поведения; изучить феномен репрессированной женской сексуальности, его влияние на материнское поведение дворянок и их эмоциональные переживания, связанные с деторождением.

4) Исследовать процесс рационализации женского репродуктивного поведения; определить основные причины появления и особенности проявления нового брачного поведения дворянства во второй половине XIX – начале XX века; сравнить тенденции в трансформации репродуктивного поведения в России и на Западе; исследовать, каким образом в дворянской среде реализовывался контроль над рождаемостью; установить степень распространения «плодоизгнаний» у дворянок.

5) Выявить, происходила ли легитимация родового акта на уровне женского письма и самосознания по сравнению с предшествующим историческим периодом; изучить специфику эмоциональных переживаний дворянок собственной беременности, родов и послеродового состояния.

6) Установить, каким образом процесс медикализации, коммерциализации частной жизни оказывал влияние на проведение беременности, организацию родов, послеродовое восстановление дворянок, а также на практики, связанные с кормлением ребёнка, питанием беременной и родильницы, употреблением средств гигиены, отражался на характере одежды беременной и новорожденного в дворянских семьях.

7) Представить, как менялось отношение матерей-дворянок к своему телу, в том числе к его гигиене, к самостоятельному грудному вскармливанию; каким образом в российском обществе трансформировалось отношение к беременным, «перворожавшим» и «многорожавшим», бездетным, беременным вне замужества, многодетным и малодетным.

8) Определить специфику домашних родов во второй половине XIX – начале XX века; выявить характер трансформации поведения роженицы, родильницы, повитухи, акушерки, врачей во время родов, учитывая при этом финансовое положение семьи, территориальный фактор проживания (столица/провинциальный город/усадьба); изучить феномен активного соучастия мужей во время родового процесса; оценить характер анализизации родов.

9) Проанализировать, опираясь на категории «медикализации», «политики тела» и «биовласти», насколько в России, по сравнению с США и странами Западной Европы, отличался переход от традиционной модели родов к биомедицинской, каким образом утверждалась новая технократическая модель родов и как наметившийся переход отразился на эмоциональных переживаниях роженицы/родильницы и членов семьи.

10) Изучить формирующуюся культуру «нового родительства», основанную на активном вовлечении дворянок в процесс ухода и воспитания детей; проанализировать материнские переживания дворянок; проследить трансформацию практик грудного вскармливания в дворянской среде.

11) Исследовать, каким образом осуществлялся переход от «безразличного», отстраненного материнства к «сознательному»; проанализировать особенности модернизации материнской заботы и предметного мира грудного ребёнка; установить, как утверждалась новая «детоцентристская» идеология семейной жизни, изучить особенность восприятия матерями-дворянками частой младенческой смертности.

Научная новизна диссертации состоит в институционализации в отечественной гуманитаристике особого направления – историко-антропологического изучения материнства. Впервые в отечественной историографии предпринята попытка всестороннего, комплексного изучения материнства в историко-этнологическом ракурсе в качестве сложного конструируемого социального института и противоречиво переживаемых практик. Трансформация материнской заботы в высших слоях российского общества, не маркируемых народной культурой, вследствие модернизации, либерализации общества, медикализации и коммерциализации частной жизни, никогда ранее не становилась предметом изучения в отечественных исторических и историко-этнологических работах.

В диссертационном исследовании была предпринята попытка разработки и внедрения принципиально нового подхода к изучению материнской повседневности, состоявшего в синтезе подходов исторической этнологии, феминистской антропологии, медицинской и культурной антропологии, гендерной истории, эмоциологии и психоистории. Методологическим новшеством явилось осуществление «включенного интервьюирования» в исторической ретроспективе, реализация женского прочтения текстов и принципа «сопереживания» «респонденткам», «вживания» в культурный и эмоциональный контекст их письма, проведение параллельного анализа официальных и

личностных дискурсов, извлечённых из многочисленных женских эгодокументов, «материнских текстов» и «текстов рожениц», сбора акушерского анамнеза в исторической ретроспективе.

Диссертационное исследование вносит вклад в теоретическое осмысление терминов «антропология», «история материнства», «антропология родов», «культурантропология девичества»; процессов социального-конструирования родительства, медиализации деторождения; понятий «материнский текст», «сознательное», «экспертное», «профессиональное», «универсальное», «интенсивное» материнство.

Новизна исследования определяется установленными закономерностями и специфическими чертами в развитии института материнства в дворянской среде России. Впервые в отечественных исследованиях были изучены практики контроля над рождаемостью, существовавшие в дворянской среде; истоки зарождения технократической модели родов; выявлены сложности перехода от найма кормилиц к самостоятельному грудному вскармливанию в дворянских семьях; подвержены анализу революционные изменения в характере младенческого питания. Новизна исследования состоит в особом подходе к изучению сферы эмоциональных переживаний материнства дворянками. Анализ широкого круга материнских нарративов позволил обосновать тезис о легитимации на уровне женского письма важнейших практик – беременности, родов. Переход от событийной к антропологизированной гендерно-чувствительной истории – важнейший проект в современной гендерологии и феминологии.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Теоретическая значимость диссертации состоит в расширении предметного поля современных отечественных этнологических, исторических, антропологически ориентированных исследований, в развитии нового междисциплинарного научного направления – материнских исследований, способных объединить наработки этнологов, антропологов, социальных историков, гендерологов, историков повседневности, историков медицины, социологов, психологов, фольклористов, филологов. Важный результат диссертации состоит в актуализации историко-антропологического изучения материнства, включении материнских практик в качестве важнейшей страницы развития человеческого опыта в отечественные гуманитарные и социальные исследования.

Диссертационное исследование вносит вклад в отечественные научные изыскания в области женской истории, гендерологии, повседневной истории, реконструируя важнейшую часть женской повседневности высших слоёв российского общества. Для исторических наук диссертационная работа представляет ценность в изучении женской повседневности, женской аксиосферы и мотивационно-поведенческих установок. Результаты исследования раскрывают уникальность и своеобразие материнской заботы в России во второй половине XIX – начале XX века, тем самым включая российский опыт развития

материнства в мировую историю материнства. Анализ материнских практик позволяет в ином ракурсе взглянуть на социальные, культурные, экономические процессы в российском обществе пореформенного периода.

Представленное исследование призвано вовлечь в научный оборот ранее не освоенные источники («материнские тексты», «тексты рожениц», девичьи дневники) и актуализировать применение современных междисциплинарных исследовательских методов и подходов.

Исторический опыт трансформации материнства как социального института и особой сферы женских переживаний может найти практическое применение современными законодателями при выработке отдельных положений государственной политики в области охраны материнства и детства, репродуктивной политики, может быть учтён в работе экспертных советов и групп по выработке преобразований в сфере материнства и актуальных репродуктивных стратегий, в деятельности благотворительных организаций, психологических служб, оказывающих помощь беременным, матерям и детям. Полученные результаты исследования могут способствовать восстановлению разрушенной связи времён и помочь аккумулировать информацию, ранее историками и этнографами не собиравшуюся и потому неизвестную современным врачам и ответственным за формирование социальной политики (защиты материнства и родительства).

Полученный эмпирический материал, а также выводы диссертации могут быть использованы в практике вузовского преподавания культурной, социальной, медицинской антропологии, исторической этнологии, истории России, истории медицины, а также курсах по гендерологии, женской истории, этнологии семьи и девичества, антропологии родов, истории семьи, истории акушерства, истории социальной работы.

Методология и методы исследования. В основе диссертационного исследования – *междисциплинарный подход*, который на протяжении более полувека выступает неотъемлемой частью социальных исследований, отличающийся масштабами междисциплинарного диалога и выбором самих дисциплин «партнеров»⁵⁶. Отечественные этнографы отмечают важность внедрения междисциплинарного подхода в этнографические исследования⁵⁷. Представители зарубежной антропологии материнства подчёркивают мультидисциплинарность современных материнских исследований⁵⁸. Базовым подходом явился *социально-конструктивистский*, активно использующийся в

⁵⁶ Reinharz S., Davidman L. (eds) *Feminist Methods in Social Research*. New York: Oxford University Press, 1992; Кром М.М. *Историческая антропология*. СПб.: Д. Буланин, 2004.

⁵⁷ Тишков В.А. *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука, 2003; Тишков В.А. *Наука и жизнь. Разговоры с этнографами*. СПб.: Аллетейа, 2008.

⁵⁸ Ragone H., Winddance F. (eds) *Ideologies and Technologies of Motherhood: Race, Class, Sexuality, Nationalism*. New York: Routledge, 2000; Taylor J.S., Layne L.L., Wozniak D.F. *Consuming Motherhood*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2004; Walks M. Naomi McPherson *Anthropology of mothering*. Toronto: Demeter Press, 2011.

гендерных исследованиях⁵⁹, который дал возможность определить процесс формирования материнских типов в изучаемый период.

Подходы исторической этнологии, социальной, культурной антропологии позволили анализировать материнские практики, сложившиеся в дворянской среде, на предмет традиций и новаций, определяя их место в российской этнокультуре. Подходы *гендерной истории, феминистской антропологии, истории повседневной и частной жизни*⁶⁰ акцентировали исследовательское внимание на женской сфере повседневной жизни, на разных способах формирования женской идентичности в публичном и приватном пространстве. *Историко-сравнительный подход* дал возможность сравнить отношение к материнству в разные эпохи, выявить общие и особенные черты в эволюции материнства в России и на Западе, провести параллели между различными социальными группами. Использование данного подхода позволило увидеть преемственность в развитии материнства, определить характер эволюционных изменений.

Актуальными в исследовании были *подходы медицинской антропологии и социальной истории медицины*⁶¹. Особый смысл приобрели понятия «медиализация», «биовласть», «политики тела»⁶². Фокус исследования сосредотачивался не на историю медицинского знания, а на историю медицинской практики, на «пациента», его чувства и переживания, страх и боль⁶³.

⁵⁹ Rich A.C. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. New York: Norton, 1976; Chodorow N. Reproduction of mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1978; Кон И.С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010; Пушкарёва Н.Л. Материнство как социобиологическое явление: психология, философия, история // Научно-практический ежегодник Запад-Восток. 2014. № 7. С. 103-118; Тёмкина А.А., Здравомыслова Е.А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: ЕУСПб, 2015.

⁶⁰ Mead M. Male and Female: A Study of the Sexes and Changing World. New York. William Morrow, 1949; Rubin G. Woman Culture and Society. Stanford: Stanford University Press, 1974; Moore H. Feminism and Anthropology. Cambridge: Polity Press, 1988; Leonardo M. (eds) Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era. Berkeley: University of California Press, 1991; Lewin E. (eds). Feminist Anthropology: A Reader. Blackwell Publisher, 2006; Бюргер А. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного: В 2 кн. М.: Наука, 2003. Кн. I. С. 191-219; Гапова Е.И. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в антропологические исследования / Ред. И.А. Жеребкина Т. I. СПб.: Алетейя, 2001; Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001; Котовская М.Г. Гендерное измерение в культурной антропологии (учебное пособие для студентов Высшей школы). М.: МГУДТ, 2005; История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI вв. СПб.: Алетейя, 2006; Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – сер. XIX вв.). Автореф. дисс... д.и.н. М., 2009.

⁶¹ Conrad P. Medicalization and Social Control // Annual Review of Sociology. 1992. № 18. P. 209-232; Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. Введение. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Алетейя, 2008. С. 8-40; Михель Д.В. Медиализация общества: теория, история, микрополитика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 4. С. 293-294.

⁶² Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010; Zola I. Medicine as an Institution of Social Control: The Medicalizing of Society // Sociological Review. 1972. Vol. 20. P. 487-504; Conrad P. Medicalization and Social Control // Annual Review of Sociology. 1992. № 18. P. 209-232; Conrad P. The Medicalization of Society: On the Transformation on Human Conditions into Treatable Disorders. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007.

⁶³ Porter R. The Patient's View: Doing Medical History from Below // Theory and Society. 1985. Vol. 14. P. 175-198; Pain and Emotion in Modern History / Ed. by R.G. Boddice. Palgrave Macmillan, 2014.

Учитывая междисциплинарность заявленной темы, при работе над ней были использованы как традиционные методы исторического исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический, идеографический), так и методы, актуальные в современных гендерных и феминистских исследованиях. Широкое использование *этнографических методов «включенного наблюдения» и «включенного интервьюирования»* в исторической ретроспективе⁶⁴ дало возможность на примере многочисленных дворянок на основе написанных ими автобиографических текстов репрезентировать такие табуированные темы, как девические представления о супружестве, родительстве, сексуальной жизни, телесности; эмоциональные переживания во время беременности, родов; отношение к контролю над рождаемостью, абортam, бездетности; противоречивые настроения, связанные с грудным вскармливанием; восприятие смерти детей. Исследовательская позиция была ориентирована на «самонаблюдение», «вживание», «сопереживание», на ведение «диалога» с «информантами». При изучении женских нарративов важно было формулировать вопросы к текстам, искать в них ответы, тем самым условно воссоздавая диалог (интервью) между давно жившими матерями и современным исследователем. Эти методы использовались в единстве с *гендерно-чувствительными методами, методикой референцирования с собственным жизненным опытом и методом «инсайдинга»*, широко применяемыми в современных исследованиях материнства⁶⁵. Учитывая специфику исторической этнографии, при отсутствии возможности «вступления в группу»⁶⁶ и проживания вместе с теми, кого исследуешь, значительную роль играло сопереживание посредством привлечения собственного опыта материнства. Именно такой ракурс исследования позволил сфокусироваться на важных практиках материнской повседневности и области женской рефлексии.

Методы повседневной истории дали возможность сконцентрировать внимание на практиках, связанных с деторождением, сексуальной культурой, культурой телесности, рассматривая их как значимую часть женской повседневной жизни. Особую актуальность имели *методы феноменологической социологии и микроистории*, согласно которым реальность постоянно воссоздаётся отдельными личностями в ходе социальных взаимодействий. В этой связи субъективный мир индивида — основа реальности, которую необходимо изучать в процессе исследовательского погружения в неё, осуществляя редукцию изучаемых явлений, а не дистанцирования, оказываясь в роли стороннего

⁶⁴ Пушкарёва Н.Л. История повседневностей и микроистория // Теория и методология истории / Ред. А.В. Коротаева и др. Волгоград: Учитель, 2014. С. 325.

⁶⁵ Burke P. The Historical anthropology of early modern Italy. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 15-27; Oakley A. Interviewing Women: A Contradiction in Terms // Doing Feminist Research / Ed. by H. Roberts. London: Routledge & Kegan Paul. 1981. P. 30-61; Oakley A. Becoming a Mother. Oxford: Martin Robertson, 1979; Oakley A. The Captured Womb: A History of the Medical Care of Pregnant Women. New York: Basil Blackwell, 1984; Смит Д. Социологическая теория: методы патриархатного письма // Хрестоматия феминистских текстов / Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина. СПб.: Д. Буланin, 2000.

⁶⁶ Mcneil P. Research methods. Routledge: London, 2005. P. 105.

наблюдателя. В настоящем исследовании *метод микроистории* тесно использовался с *методом «кейс-стади»*, так как предоставил возможность на примере частных случаев, под исследовательским «микроскопом» проследить процесс материнской социализации, сексуального просвещения конкретной женщины. Частные материнские практики (в данном случае «микроисторические субстанции») дали основание сделать выводы об особенностях формирования таких «макроисторических субстанций» и важнейших социальных институтов⁶⁷, как материнство, отцовство, детство, семья.

Работа с многочисленными женскими «текстами» – основными источниками в репрезентации культуры материнства, потребовала привлечения *дискурсивных, лингвистических методов, метода нарративного анализа, гендерного контент-анализа*. Женские эгодокументы рассматривались в качестве нарративных полуструктурированных интервью, в которых автор рассказывал о себе, своих переживаниях и личном опыте. Привлекалась также *методика триангуляции*, направленная на достоверную интерпретацию текстовых пассажей рассказчиков. *Гендерному контент-анализу* были подвергнуты научно-медицинская литература. С помощью данной методики удавалось выявить характер создаваемого экспертным сообществом, индустрией моды конструкта на идеальное женское поведение, связанное с деторождением.

При изучении репродуктивного поведения дворянок новаторским методом явился *сбор акушерского анамнеза в исторической ретроспективе*. Анализируя описания дворянками собственной беременности, родов, соизмеряя их свидетельства с «показаниями» врачей, в том числе с «историями болезней», удавалось выявить проблемы, связанные с репродуктивным здоровьем дворянок.

Гендерный анализ правовых норм, норм этикета, рекламы в столичной и провинциальной прессе способствовал раскрытию эволюции гендерных стереотипов и ролей в обществе. *Метод психоистории* был направлен на исследование исторической мотивации⁶⁸. С помощью историко-психологического подхода удалось установить причины инвариаций в традиционном женском поведении, мотивы отказа дворянок от деторождения или воспитания детей и перехода к отсроченному материнству.

Использование *биографического метода* состояло не столько в реконструировании жизненного пути субъекта, сколько в анализе жизненного опыта женщины, описанного ею самой. Подобное использование биографического метода сближает его со сбором данных в этнографии, где необходимо на основании беседы получить точные сведения о жизненном пути, практиках респондента. Дополнением к биографическому явился метод *«истории жизни»*. Он позволил анализировать жизненный путь конкретной исторической личности не только на основе написанного ею нарратива, но и привлекать сведения «со стороны», собирая оценки, мнения окружающих информанта людей.

⁶⁷ Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. № 4. С. 197.

⁶⁸ Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

Метод кейс-стади в сочетании с *биографическим методом*, *нарративным анализом* дал возможность проследить зависимость между тем, как воспитывали девочек, и тем, как они впоследствии относились к собственным детям.

Методы *визуальной антропологии*, *анализа репрезентаций в визуальной культуре* были направлены на изучение фотоматериалов, модных тенденций в одежде, детской мебели и игрушек. Метод *анализа рекламного образа*, проведённый в выпусках столичных, провинциальных журналов и газет, позволил выявить специфику рекламы, нацеленную на материнскую аудиторию.

Источниковая база исследования. Исследовательская задача рассмотреть феномен материнства у дворянок во второй половине XIX – начале XX века как сложное социокультурное явление, анализируя его одновременно извне (в качестве создаваемого экспертным сообществом определённого конструкта) и изнутри (как важную, субъективно переживаемую часть женской повседневности) потребовала привлечения разнообразных по типу источников. В основе диссертационного исследования – архивные документы, многие из которых впервые были введены в научный оборот. При работе над диссертацией были проанализированы около 100 фондов из 17 государственных архивов, музейных документохранилищ, рукописных отделов библиотек Москвы (Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов, Центрального хранилища документов 1917 г. Центрального государственного архива Москвы, Центрального хранилища документов после 1917 г. ЦГАМ, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военно-исторического архива, Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки), Санкт-Петербурга (Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки), Смоленска (Государственного архива Смоленской области, фондов Смоленского музея-заповедника), Твери (Государственного архива Тверской области, документальных фондов Тверского государственного объединённого музея), Пскова (Государственного архива Псковской области). В исследовательское поле попали личные фонды⁶⁹, фонды учебных заведений⁷⁰, благотворительных

⁶⁹ ГАРФ (Ф. 618. Н.Ф. Карловой; Ф. 1146. Волконских; Ф. 613. О.В. Палей, Ф. 919. Долгоруковых, Ф. 6404. М.П. Кайленской); РГАДА (Ф. 1290. Юсуповых, Ф. 1272. Нарышкиных, Ф. 1271. Мятлевых, Ф. 1288. Шуваловых); РГАЭ (Ф. 3. В.А. Варсонофьевой, Ф. 328. Е.Н. Сахаровой-Вавиловой, Ф. 19. Е.А. Молдавской, Ф. 637. А.А. Чернова, М.И. Шульги-Нестеренко); ЦХД до 1917 г. ЦГАМ (Ф. 1350. В.В. Рождественского), ЦХД после 1917 г. ЦГАМ (Ф. 105. О.В. Сваричовской, Ф. 178. М.Я. Дуван, Ф. 141. Н.В. Румянцевой); НИОР РГБ (Ф. 12. З.В. Араповой, Ф. 219. Орловых-Давыдовых, Ф. 375. Е.А. Дьяконовой, Ф. 698. Е.П. Михайловой, Ф. 749. Волковых, Ф. 676. М.В. Черкасовой, Ф. 801. Слёзкиных, Ф. 752. З.В. Денисьевской); РГАЛИ (Ф. 2319. М.М. Багриновского, Ф. 1042. А.А. Вербицкой, Ф. 142. А.С. Глинки, Ф. 1337. М.А. Даниловой, Ф. 3114. С.В. Евгенова, Ф. 318. Е.А. Масальско-Суриной); РГАСПИ (Ф. 264. Г.В. Плеханова, Ф. 262. В.И. Засулич, Ф. 356. Е.Д. Стасовой); РГВИА (Ф. 253. П.Н. Воронова, Ф. 277. А.П. Альбрехт, Ф. 297. Б.В. Адамовича); РГИА (Ф. 1654. Половцовых, Ф. 1044. Сабуровых, Ф. 1061. Толстых, Ф. 1075. А.И. Философова); ЦГИА СПб (Ф. 2192. Половцовых, Ф. 2212. А. Шнейдер, Ф. 2114. А.И. Брюлловой, Ф. 2192. М.И. Покровской, Ф. 2313. О.И. Олоховой); ОР РНБ (Ф. 601.

организаций⁷¹, государственных органов власти⁷², общественно-политических объединений⁷³, родовспомогательных учреждений⁷⁴, Духовной консистории⁷⁵.

Основу диссертационного исследования составили *женские и девичьи эгодокументы*, представленные в форме дневников, писем, автобиографий, воспоминаний, записных книжек, «родительских дневников» и «материнских текстов». В общей сложности в ходе работы над диссертацией были проанализированы около 100 женских дневников и мемуаров, а также около 400 женских и мужских писем, извлечённых из архивных фондов⁷⁶. Дворянки второй половины XIX века были достаточно откровенны в описаниях собственного антропологического опыта материнства по сравнению со своими предшественницами. Благодаря обнаруженным в архивах девичьим дневникам представилась возможность реконструировать культуру девичества, в особенности такие закрытые от исследователя темы, как половая социализация подростков, особенности сексуального просвещения, феномен обожания в пубертате, переживания первой влюблённости. Основной сложностью в работе с эгодокументами дворянок явилась их фрагментарность, противоречивость содержания, а также сложность прочтения и интерпретации.

Половцовых, Ф. 1086. Л.В. Шапориной, Ф. 844. О.А. Шапир); ГАСО (Ф. 121. С.Ф. Шарапова, Ф. 113. Е.Н. Клетновой, Ф. 108. Волконских, Ф. 122. В.П. Волковой); ГАТО (Ф. 1022. Фонд Аболевых, Ф. 1233. Фонд Кафтыревых, Ф. 1402. Фонд Лопухиных, Ф. 1041. Фонд Суворовых); ГАПО (Ф. 586. Фонд Тютчевых); СМЗ КП (фонды Краевских, Е. Клетновой, Е. Карамзиной); 30397/1. Воспоминания М.Н. Краевского) ТГОМ НА (Ф. 6. А.К. Жизневского, Ф. 7. В.И. Колосова, Ф. 10. Трубниковых, Ф. Р-48. С.А. Унковской, Ф. Р-17. Римско-Корсаковых, Ф. 9. Ф.Н. Глинки).

⁷⁰ ГАСО (Ф. 45. Фонд училищного ведомства Смоленской губернии; Ф. 829. Фонд Смоленской Мариинской женской гимназии; Ф. 819. Фонд Рославльской первой женской гимназии; Ф. 55. Фонд Сычевской женской гимназии); ГАТО (Ф. 12. Фонд Тверской Мариинской женской гимназии; Ф. 13. Фонд частного женского учебного заведения А.А. Римской-Корсаковой; Ф. 15. Фонд Тверской женской гимназии М.П. Янковской; Ф. 14. Фонд Тверской женской гимназии М.А. Иллюминарской); ГАПО (Ф. 7. Фонд Псковской Мариинской женской гимназии).

⁷¹ ГАРФ (Ф. 1795. Фонд Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества); РГИА (Ф. 767. Фонд Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества).

⁷² РГИА (Ф. 1276. Фонд Совета министров); ГАСО (Ф. 1. Канцелярии Смоленского губернатора; Ф. 1289. Фонд жандармского управления Смоленской губернии; Ф. 2. Фонд Смоленского губернского правления; Ф. 369. Фонд Всероссийского земского союза); ГАТО (Ф. 59. Фонд Канцелярии Тверского губернского предводителя дворянства); ГАПО (Ф. 20. Фонд канцелярии Псковского губернатора); ТГОМ НА (Ф. 4. Фонд Тверского дворянского депутатского собрания).

⁷³ ГАРФ (Ф. 516. Фонд Союза равноправия женщин); РГИА (Ф. 1335. Фонд Российского общества защиты женщин).

⁷⁴ ЦХД до 1917 г. ЦГАМ (Ф. 425. Фонд городского родильного дома им. Лепехина для рожениц и родилиц).

⁷⁵ ГАТО (Ф. 160. Фонд Духовной консистории Тверской губернии); ГАПО (Ф. 39. Фонд Духовной консистории Псковской губернии).

⁷⁶ Наиболее репрезентативными из обнаруженных в личных фондах архивов эгодокументов оказались дневники и воспоминания О.В. Палей, С.Ф. Вонлярлярской (ГАРФ, ф. 613, 618); А.А. Знаменской, А.А. Вербицкой, Е.П. Андреевой, В.П. Багриновской, Е.И. Шахматовой, Н.А. Копьевой, М.А. Даниловой (РГАЛИ, ф. 142, 1042, 3114, 318, 2319, 1337); О.А. Мятлевой (Лопухиной), О. Шуваловой, Т.Н. Юсуповой, И.А. Юсуповой (РГАДА, ф. 1271, 1288, 1290), О.В. Сваричовской, М.Я. Дуван (ЦХД после 1917 г. ЦГАМ, ф. 105, 178), В.А. Варсонофьевой, Е.Н. Сахаровой-Вавиловой, Е.А. Молдавской, М.И. Шульги-Нестеренко (РГАЭ, ф. 3, 328, 19, 637); Е.А. Дьяконовой, З.В. Араповой, Е.П. Михайловой, З. Денисьевской, М.З. Холодковской, О. Ерёмовой (НИОР РГБ, ф. 375, 126, 98, 752, 749, 801); Н.А. Зыбиной, М.Н. Покровской, Е.Н. Половцовой (РГИА, ф. 1044, 1061, 1654); А.И. Брюлловой, М.И. Покровской, О.И. Олоховой, В.А. и А.А. Половцовых (ЦГИА СПб, ф. 2125, 2114, 2313, 2192); Л.В. Шапориной, А.А. Половцова, Е.Н. Половцовой, К.А. Половцовой (ОР РНБ, ф. 1086, 601), С.Ф. Шарапова (ГАСО, ф. 121), Н.З. Краевского, Е.Н. Клетновой (фонды Смоленского музея-заповедника), С.А. Унковской, А.А. Ждановой, А.Н. Римской-Корсаковой (музейные фонды г. Твери).

Помимо женских нарративов использовались и *мужские тексты*. По мнению исследователей, в них редко встречалась «пережитая» история, а доминировало событийное описание⁷⁷. В то же время этот «недостаток» стал хорошим дополнением в репрезентации отдельных сторон родительских практик. В ряде обнаруженных мужских текстов была представлена не столько эмоциональная, «пережитая» история частной жизни, сколько событийное повествование, связанное с важнейшими областями семейной жизни (фонды семьи Половцовых – фонд 1654 РГИА, фонд 2192 ЦГИА СПб, фонд 601 ОР РНБ; фонд публициста С.Ф. Шарапова – фонд 121 ГАСО).

Важными источниками информации явились *опубликованные женские дневники, письма, воспоминания*. Информативными на предмет материнства, репродуктивного поведения, любовных отношений оказались воспоминания и дневники С.А. Толстой, Т.Л. Сухотиной-Толстой, А.Г. Достоевской, Е.И. Конради, Т.М. Кардиналовской, З.Г. Гиппиус, Е.А. Дьяконовой, Л.Д. Блок, О.К. Булановой-Трубниковой, А.А. Вербицкой, М.К. Башкирцевой, М.А. Бекетовой, А.А. Ахматовой, Н.И. Петровской и др. Эгодокументы, принадлежащие Л.Д. Блок, А.А. Ахматовой, Н.И. Петровской⁷⁸, демонстрируют сложное отношение к материнству вплоть до его отрицания. Эгодокументы представительниц женского феминизма, как либерального, так и радикального толка, отражали безразличное отношение к материнству, которое они нередко приносили в жертву во имя общественно-политической деятельности⁷⁹. Культура детства и девичества представлена в автобиографических зарисовках Е.Н. Водовозовой, Л.А. Чарской, А.А. Вербицкой, Н.А. Лухмановой, К.В. Лукашевич, В.С. Махцевич, М.В. Сабашниковой, Т.Г. Морозовой⁸⁰.

Несмотря на то что женские эгодокументы позволяют «услышать» матерей прошлого, раскрыть мир женской субъективности, вести повествование от лица авторов, данный источник не совершен и требует привлечения иных материалов с целью верификации практик, описанных в женских текстах, и соотнесения представленной информации с реальным положением дел. При подготовке

⁷⁷ Пушкарёва Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62-69; Пушкарёва Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 31-40; Савкина И.Л. «Пишу себя...»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Тампере, 2001; Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010.

⁷⁸ Блок Л.Д. И был, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен: Кафка-Пресс, 1979; Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904–1913 / Сост. Н.А. Богомолова, А.В. Лаврова. М.: НЛЮ, 2004; Ахматова А. Мой муж Гумилев, отец Гумилева. М.: АСТ, 2014.

⁷⁹ Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка Брешко-Брешковская Е.К. о самой себе. Пг.: Изд-во Народная власть, 1917; Засулич В. Воспоминания. М.: Изд-во политкаторжан, 1931; Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания в 2 томах. М.: Мысль, 1964; Стасова Е.Д. Воспоминания. М.: Изд-во Мысль, 1969; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2012.

⁸⁰ Лухманова Н.А. Девочки. Воспоминания из институтской жизни. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1899; Вербицкая А. Моему читателю (детство, годы учения). М.: Тип. И.Н. Кушнерёв и Ко, 1911; Махцевич В. Веселые будни. Из воспоминаний гимназистки. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1912; Чарская Л.А. Записки институтки. М.: Республика, 1993; Морозова Т.Г. В институте благородных девиц // Институтки. Воспитанницы институтов благородных девиц. М.: НЛЮ, 2008. С. 389-507; Сабашникова М.В. Зелёная змея. История одной жизни. М.: Энигма, 1993; Лукашевич К.В. Моё милое детство: Автобиографическая повесть к моим читателям. М.: Сибирская благовонница, 2011.

диссертационного исследования весьма ценным источником явились *истории болезней, медицинские истории беременности и родов, результаты медицинских анализов* (обнаружены в фондах семьи Юсуповых (ф. 1290 РГАДА), Волконских (ф. 108 ГАСО), Половцовых (ф. 1654 РГИА, ф. 601 ОР РНБ).

Репрезентировать образ жизни «сознательных родителей» помогли *«родительские дневники»*, получившие распространение в начале XX века. При подготовке исследования в общей сложности было проанализировано около 10 архивных «родительских дневников» и дневниковых записей⁸¹, а также 9 опубликованных образцовых (составлены врачами, педагогами) дневников матери⁸². «Родительские дневники» дали возможность изучать особенности социального конструирования нового типа «идеальной матери», формирования врачебного патронажа, зарождения «сознательного отцовства» и семей «детоцентристского» типа, ухода за новорожденными, грудного вскармливания и влияния процессов медикализации и коммерциализации на повседневную жизнь материи и дитя.

Бракоразводные дела, хранящиеся в архивных фондах духовной консистории губерний (были изучены фонды духовной консистории Псковской, Тверской, Смоленской губерний), позволили на конкретных примерах проанализировать общероссийскую тенденцию трансформации семей традиционного типа и роста юридической, имущественной самостоятельности жён.

Особую значимость имели *источники медицинского характера*⁸³. Они позволили сопоставить уровень развития медицины в области педиатрии, акушерства и гинекологии с реальным применением этих знаний на практике, а также проанализировать, насколько сложно проходила медикализация материнства и детства. Уставы частных родовспомогательных заведений, родильных отделений дали возможность реконструировать картину стационарных родов⁸⁴. Подробный анализ журналов городского родильного дома Москвы для

⁸¹ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 30, 32; РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 9, 13; ОР РНБ. Ф. 601. № 55, № 645, № 1569; ЦГИА СПб. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 1; ГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5; РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383.

⁸² Жук В.Н. Дитя. Дневник матери. Альбом для записи наблюдений над физическим развитием ребёнка. Первые три года жизни. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1892; Дрентельн Е.С. О механизме родов // Акушерка. 1902. Кн. 3. № 5-6. С. 65-77; Дернова-Ярмоленко А.А. Дневник матери. Книжка для систематических наблюдений и записей над телесным и душевным развитием ребёнка. М.: Тип. М. Стасюлевича, 1911; Левоневский А.Ф. Мой ребёнок. Наблюдения над психическим развитием мальчика в течение первых четырех лет его жизни. СПб.: О. Богданова, 1914; Е.Б. Из дневника матери // Семейное воспитание. 1914. № 1. С. 29-42; № 2. С. 17-34; Кричевская Е. Моя Маруся: Записки матери. Пг.: Тип. Р. Шварца, 1916; Гаврилова Н.И., Стахорская М.П. Дневник матери: Записки о душевном развитии ребёнка от рождения до 7-летнего возраста. М.: Практические знания, 1916; Ивё В. Из дневника отца // Психология и дети. 1917. № 6-8. С. 5-79; Соколов Н. Жизнь ребёнка (по дневнику отца). М.: Тип. Н. Желудковой, 1918.

⁸³ Манасейна М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб.: Тип. Я. Трея, 1870; Флоринский В. Курс акушерства и женских болезней: гинекология. СПб.: б/и, 1870; Горвиц М. Руководство к патологии и терапии женской половой сферы. Ч. 1. СПб.: Изд. Риккера, 1874; Феноменов Н.Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1902; Жук В.Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1906 и др.

⁸⁴ Устав родовспомогательного и учебного родовспомогательного заведения имени Ф.В. Чиждова, состоящего в ведении Костромского уездного земства. Кострома: Уезд. губерн. тип., 1902; Устав хирургической и акушерской лечебницы доктора медицины А.И. Макиевского в Москве. М.: Тип. Россихина, 1903; Устав частной акушерской и женской лечебницы с родильным отделением В.В. Дункель в Москве. М.: Губ. тип., 1911 и др.

роженниц и родильниц (ЦХД до 1917 г. ЦГАМ, фонд 425), а также опубликованные отчёты родильных отделений, позволили оценить число дворянок, рожавших в стационарах. Статистические сведения об акушерских операциях, выполняемых в стационарах, были взяты из отчётов родильных отделений различных медицинских учреждений⁸⁵.

При изучении процесса социального конструирования материнских типов были привлечены *литературные произведения* как классические, так и бульварные. Революцию в сексуальном поведении, легализацию половых вопросов, утверждение новых идеалов женственности демонстрировали резонансные произведения Л.Д. Зиновьевой-Аннибал («Тридцать три урода»), А.А. Вербицкой («Ключи счастья»), Л.Н. Андреева («В тумане», «Бездна»), М.П. Арцыбашева («Санин», «Ужас»), Ф.К. Сологуба («Творимая легенда»), О.П. Руновой («Ничего святого»), О.А. Шапир («Антиподы», «Без любви», «Любовь», «Записки мужа»), А.Я. Мар («Женщина на кресте»).

Среди *делопроизводственных источников* были использованы материалы заседаний педагогических и попечительских советов учебных заведений⁸⁶, общественных и частных благотворительных организаций, деятельность которых была направлена на охрану материнства и младенчества, общественно-политических съездов, участники которых затрагивали проблемы, связанные с репродуктивным поведением населения. *Отчёты, уставы многочисленных благотворительных организаций* дали возможность оценить характер социальных мер в области охраны материнства и младенчества. Делопроизводственные материалы Союза для борьбы с детской смертностью, Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, организации «Капля молока» внесли вклад в изучение проблем грудного вскармливания детей, «кормиличного промысла», так как затрагивали интересы нанимателей, принадлежавших к высшим слоям российского общества⁸⁷. Опубликованные и архивные *делопроизводственные документы, отчёты общественных организаций, съездов*⁸⁸ позволили сделать вывод о росте социальной значимости

⁸⁵ Медицинский отчёт Московского родовспомогательного заведения Императорского Воспитательного дома за 1876, 1878, 1888, 1899 гг.; Медицинский отчёт Екатеринбургского родильного дома с 1 апреля 1877 г. по 1 сентября 1887 г. Екатеринбург: Тип. Н.Л. Филипповой, 1888; Отчёт по городскому родильному дому им. А.А. Абрикосовой. М.: Гор. тип., 1909; Отчёты Смоленской губернской земской больницы за 1880–1911 гг.; Отчёт по городскому родильному дому им. С.В. Лепехина. М.: б/и., 1909–1912; Деятельность родильного дома им. З.Ф. Могилевцевой за 1914 г. и сравнительно за пятилетний период со дня открытия его 1 мая 1910 г. Брянск: б/и., 1915 и др.

⁸⁶ ГАСО. Ф. 829, 819, 45, 55; ГАТО. Ф. 12, 13, 14, 15; ГАПО. Ф. 7.

⁸⁷ «Капля молока» г-жи М.Н. Ольсен-Нобель. СПб.: Тип. «Т-ва Андерсона и Лойцянского», 1910; Годовой отчёт о деятельности «Капли молока» в Санкт-Петербурге за 1907–1912 гг. СПб.: б/и., 1908–1913; Краткий отчёт о деятельности Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества за 1915 год. Пг.: Гос. тип., 1916; Краткий отчёт о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 г. Пг.: Гос. тип., 1917 и др.

⁸⁸ Труды 2-го съезда общества Российских акушеров и гинекологов, Москва, 28–30 декабря 1907. М.: б/и, 1908; Труды Первого всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. 1908. СПб., 1909; документы Фонда Российского общества защиты женщин (РГИА. Ф. 1335); документы фонда Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества (РГИА. Ф. 767); Двенадцатый Пироговский

проблем, связанных с репродуктивным поведением, материнством, абортной практикой, контрацепцией.

При работе над исследованием был проведён *анализ дореволюционной периодики* на предмет отражения материнской тематики. Женские журналы феминистского толка («Женская жизнь», «Женский вестник», «Женское дело», «Женщина», «Союз женщин», «Первый женский календарь») были сконцентрированы на политических правах женщин. Однако в начале XX века всё чаще авторы затрагивали проблемы материнства. Анализ известных научно-популярных изданий («Русское богатство», «Семейное воспитание», «Русская школа», «Исторический вестник», «Родина», «Семья») также продемонстрировал тенденцию возросшего значения материнской темы в общественно-политическом, культурном, литературном дискурсах. Значимость материнских ролей в жизни отдельных женщин и общества в целом раскрывали авторы статей в журналах для «хозяек» и «модниц» («Журнал для женщин», «Журнал для хозяек», «Журнал для семьи», «Дамский мир», «На помощь матерям», «Вестник моды», «Модный магазин», «Модный свет», «Столица и усадьба»). Кроме этого были привлечены профессиональные медицинские журналы («Журнал акушерства и женских болезней», «Акушерка», «Врач», «Русский врач», «Домашний врач», «Земский врач», «Здоровая жизнь»), в которых публиковались статьи, посвящённые различным аспектам женского репродуктивного здоровья, новейшим достижениям в данной области, правильному уходу за новорожденными и их вскармливанию, социальной политике в отношении охраны материнства и младенчества. Существенный эмпирический материал, отражавший специфику формирования материнства в качестве важнейшего социального института, был обнаружен на страницах журналов «На помощь матерям» и «Охрана материнства и младенчества».

Самостоятельным источником информации выступила *реклама*, размещённая на страницах столичной и провинциальной прессы. Рекламные образы позволили убедиться в возрастающей коммерциализации и медикализации материнства. В проводимом исследовании осуществлялся *анализ предметов материальной культуры*. Предметы визуальных форм выражения дополняли картину семейной жизни начала XX века. Изучение предметов домашнего обихода, детских комнат (коляски, кровати, качалки, пеленальные столики, «грядки», стульчики, игрушки) и их интерьера, женской и детской одежды, представленных на экспозициях в российских музеях, обогатило представление о материнской повседневности.

Законодательные и нормативные материалы в диссертации использовались редко, ввиду того, что исследовательский интерес был акцентирован на субъективно переживаемых практиках материнства. Привлечение «Законов гражданских» было вызвано необходимостью изучения норм права,

съезд. 29 мая–5 июня 1913. Выпуск II. СПб., 1913; Труды первого Всероссийского съезда детских врачей в Санкт-Петербурге с 27–31 декабря 1912 г. / Ред. Г.Б. Конухеса. СПб.: Орг. ком., 1913.

регламентировавших семейную жизнь (возраст вступления в брак, необходимость взаимного согласия супругов, расторжение брака)⁸⁹. Определённое значение имело «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (редакции 1845, 1866, 1892, 1901, 1908 годов)⁹⁰, в главах которого содержались статьи о «плодоизгнании», акушерских и врачебных ошибках во время родов. Оценить семейно-правовой статус женщин и детей позволили сборники «Законы о женщинах...» и «Законы о детях...», составленные Я.А. Канторовичем⁹¹. Были привлечены также делопроизводственные дела Комиссии по пересмотру врачебно-санитарного законодательства (ф. 1276, РГИА), в рамках которой затрагивались проблемы законодательного регулирования вопросов, связанных с охраной материнства, а также материалы Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества⁹² (ф. 767, РГИА). Частичное отражение в исследовании нашли законодательные акты, регулировавшие юридический статус внебрачных детей⁹³. Были привлечены также нормативные документы, касавшиеся статуса матерей на государственной и общественной службе⁹⁴.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современных отечественных гуманитарных и социальных исследованиях созрели предпосылки для институционализации изучения материнства в качестве самостоятельного направления междисциплинарного научного поиска. Историко-антропологический ракурс исследований доказывает зависимость материнской заботы от конкретных исторических условий, гендерной системы общества, эмоционального режима эпохи.

2. Во второй половине XIX века в России в дворянском сословии происходило зарождение материнства в качестве сложного социального, культурного, медико-социального, психического и символического феномена. Новое понимание материнства выразилось в развитии идей материнской сознательности и свободного материнства. Материнский опыт терял автономность, превращаясь в важнейший социальный институт и особую социальную роль женщины, попадая в зависимость от широкого социального

⁸⁹ Григоровский С.П. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе и судопроизводство по брачным делам. СПб.: Тип. В. Местник, 1896; Волькенштейн М.Ф. О союзе брачном. Сборник законов с разъяснениями. СПб.: Тип. А.И. Тарвид, 1902; Гаугер А. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената. СПб.: Н.К. Мартынов, 1902.

⁹⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845, 1866, 1892, 1901, 1908. СПб.: Гос. тип., 1845, 1866, 1892, 1901, 1908; Белявский Л.А. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1885 года) в толковании юристов. СПб.: Тип. Л. Ландвигера, 1902; Громов Н.А. Законы уголовные Уложение о наказаниях уголов. и исправ., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по продолж. 1906, 1908 и 1909 г. с позднейшими узаконениями. СПб.: Н.К. Мартынов, 1911.

⁹¹ Канторович Я.А. Законы о женщинах: (Сб. всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц жен. пола). СПб.: Я.А. Канторович, 1899; Канторович Я.А. Законы о детях: Сб. постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних, с прил. Свода разъясн. по кассац. решениям Сената. СПб.: Я.А. Канторович, 1899.

⁹² ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXXIII. 1913. Отделение I. Пг., 1916. № 39446.

⁹³ Николин Н.С. Внебрачные дети. Узаконение и усыновление с разъяснениями Сената и образцами прошений. М.: И.К. Оппокова, 1902.

⁹⁴ Русская женщина на государственной и общественной службе. Сборник постановлений и распоряжений правительства, определяющих права и обязанности русских женщин на службе / Сост. А. Полянский. М.: Изд. С. Скирмунта, 1901.

контекста (государства, религии, медицины, «экспертного» дискурса, социальных движений).

3. К началу XX века в России сформировался культурный императив материнства, включивший в себя концепты «сознательного», «экспертного», «профессионального», «свободного», «расширенного», «социально-интегрированного», «интенсивного» материнства. Рецепция этих идей зачастую зависела не столько от территориального проживания (город/усадьба), финансовых возможностей и степени знатности (аристократичности) дворянских семей, сколько от характера образованности и идеологической ориентации дворянок.

4. Под влиянием «экспертного» дискурса со второй половины XIX века в России конструировались стереотипы и стандарты идеального материнского поведения, вследствие чего была нарушена традиционная логика «воспроизводства» материнства. Ввиду малочисленности среднего класса восприимчивыми идеологии «нового материнства», в отличие от стран Западной Европы и США, стали не представительницы буржуазных кругов, а дворянки. С развитием движения женской эмансипации, ростом репродуктивной свободы населения идеология «нового материнства» возвращала женщин в лоно семьи, ограничивая сферу их деятельности деторождением и воспитанием детей.

5. Противоречия в половом просвещении дворянок, репрессированная девичья сексуальность, амбивалентность представлений общества об идеальной женственности и поведении благовоспитанной дворянки, низкая материнская социализация приводили к различным проблемам и отклонениям в психосексуальном и половом развитии девочек в пубертате, подростковой неврастении, а впоследствии оказывали негативное влияние на эмоциональные переживания, связанные с дефлорацией, осуществлением репродуктивных функций, обостряя неудовлетворённость женщин собственными материнскими ролями.

6. Вследствие либерализации страны, распада ценностей традиционной патриархальной семьи, разорения поместного дворянства, движения женской эмансипации, активизации публичной деятельности дворянок трансформировалось их репродуктивное, брачное и сексуальное поведение, выразившееся в существенном сокращении числа деторождений, повышении брачного возраста и возраста первой беременности, широком распространении средств контрацепции, появлении практик абортирования в дворянской среде. Революционный процесс автономизации сексуального и прокреативного поведения, рационализация репродуктивных практик дворянок приводили к трансформации института материнства и оказывали особое влияние на формирование нового гендерного порядка в обществе. Свобода в репродуктивном поведении создавала условия для обретения дворянками социальной свободы и освоения ими новых форм гендерной идентичности.

7. Практики, связанные с проведением беременности и организацией родов в дворянской среде, находились на пересечении традиций и новаций. Процессы медикализации и коммерциализации беременности и родов, явившиеся результатом развития научных знаний в сфере акушерства и гинекологии, повышения уровня профессиональной подготовки отечественных врачей, существенно трансформировали повседневность беременных и рожениц. Женское тело, его репродуктивные функции становились объектами для медицинских манипуляций и контроля со стороны врачебного сообщества. Зарождался врачебный патронаж беременных.

8. Легитимация описания беременности и родов на уровне материнских нарративов демонстрирует сложность и драматизм эмоциональных переживаний дворянок. Беременность и роды воспринимались ими в качестве болезни, актуализировавшей многочисленные страхи, представления о смерти и мертворождении, деперсонализацию женского существа, сравнения себя с животным. Женские фобии были обусловлены как частыми патологиями родового процесса, так и недостаточной подготовкой к самим родам.

9. В дворянской среде во второй половине XIX века сформировалась отдельная культура рождения, для которой были свойственны особые процедуры, действия, состав участников. Несмотря на развитие стационарного акушерства, преобладали домашние роды, в рамках которых шла апробация новой технократической модели родов. Утверждение биомедицинской модели родов происходило не так стремительно, как в США и странах Западной Европы. Активное участие мужей в ходе родового процесса явилось свидетельством зарождения «нового отцовства».

10. Несмотря на доминирование идей всепоглощающего материнства, дворянки оказывали сопротивление складывавшемуся экспертному дискурсу материнской сознательности, создавая новые модели материнского поведения. «Борьба» дворянок за автономность материнского опыта, репродуктивную свободу выражалась в распространении абортивных и контрацептивных практик, отказе от самостоятельного грудного вскармливания, аналгизации родового акта и послеродового восстановления, применении искусственного детского питания. Интересы дворянок и врачей нередко совпадали (в части использования контрацепции, применения анестезии), что демонстрировало положительное действие медикализации на женское репродуктивное поведение. Данные процессы отражают двойственность медикализации, которая может рассматриваться не только в качестве утраты способности женщин влиять на свою жизнь, но и как важный процесс, позволяющий женщине выстраивать собственное материнское и репродуктивное поведение, основываясь на личном выборе.

11. Сложный процесс формирования «нового материнства», требовавший от дворянок напряжения сил, специальной подготовки и самопожертвования, недостижимость идеала «сознательной матери», разрыв между амбициозными

устремлениями юности и ограниченным существованием «идеальной семьянинки», а также неразвитость социальных институтов поддержки семьи, гендерная асимметрия общества приводили к сложным эмоциональным переживаниям, фрустрации матерей-дворянок.

12. Под влиянием социального конструирования «нового материнства», а также вследствие медиализации частной жизни, «детоцентристской» политики происходила модернизация ухода за детьми, внесшая революционные изменения в материнскую повседневность дворянок. Наблюдался процесс «профессионализации» материнства, выраженный в единении матерей с «экспертами» посредством распространения педиатрического патронажа и ведения «родительских дневников». Несмотря на модернизацию быта и предметного мира младенца, не происходило полное замещение консервативных способов ухода за ним.

Апробация исследования. Основные результаты исследования нашли отражение в 53 печатных публикациях автора общим объемом 68 п.л. Положения и выводы диссертации наиболее полно представлены в авторской монографии «Рождение матери. Субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России» и частично в монографии «Женщины российской провинции XIX – начала XX в.: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии)», в 20 публикациях автора в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Результаты научного исследования представлены на 9 международных и 15 российских ведущих научных мероприятиях, посвящённых различным проблемам этнологии, истории повседневности, женской и гендерной истории, социальной истории медицины, медицинской антропологии, теории и истории культуры. Доклад об особенностях женского репродуктивного поведения россиянок был представлен на 22-м Международном конгрессе исторических наук (The 22nd International Congress of Historical Science), проводимом 27–29 августа 2015 в Цзинане (Китай). Отдельные положения диссертации излагались автором на международных конференциях: на секции «Гендерные правила: дискурсы, политики и практики» Международного Конгресса белорусистов в Каунасе (Литва) 2–4 октября 2015 года; Международной конференции «Гендерная политика городов: история и современность» в Харькове (Украина) 6–7 октября 2015 года.

Дважды результаты диссертационного исследования апробировались на Конгрессах антропологов и этнографов России: X КАЭР, 2–6 июля 2013 года в Москве, XI КАЭР, 2–5 июля 2015 года в Екатеринбурге. Ежегодно с 2012 года доклады по проблеме диссертации были представлены на Международной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ): V Конференции РАИЖИ в Твери (4–7 октября 2012 г.), VI

Конференции РАИЖИ в Нальчике (3–6 октября 2013 г.); VII Конференции РАИЖИ в Рязани (8–11 октября 2014 г.), VIII Конференции РАИЖИ в Старом Осколе (8–11 октября 2015 г.).

Доклады по результатам исследования были также апробированы дважды (в 2013 и 2014 г.) на международном Конгрессе молодых учёных, организованным Институтом этнологии и антропологии РАН в г. Москва; на международном симпозиуме «Актуальные вопросы истории медицины и здравоохранения», проводимом Научно-исследовательским Институтом общественного здоровья им. Н.А. Семашко 20 ноября 2015 года в Москве; дважды (в 2013 и 2014 гг.) на международной конференции «Гражданственность и патриотизм в повседневной жизни населения России XIX–XXI вв.», проводимой ЛГУ им. А.С. Пушкина; на ежегодной общероссийской междисциплинарной конференции «Сохрани мне жизнь», посвящённой вопросам репродуктивных технологий, истории медицины (в 2012–2015 гг.); на научных мероприятиях Российского общества историков медицины (РОИМ); а также на региональных конференциях, затрагивающих различные аспекты истории России.

Некоторые сюжеты и результаты диссертации использованы при чтении автором лекционных курсов и проведении семинаров в 2010–2015 годах в Смоленском государственном медицинском университете (лекционные курсы «История социальной работы», «История благотворительности и меценатства в России», «История медицины», «Количественные и качественные методы в социальных науках», «Эксперимент и интерпретация данных в социальных науках», «Социология медицины»).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы, заключения, списков источников (опубликованных и архивных фондов) и литературы. Структура работы обусловлена задачами исследования.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, хронологические и территориальные рамки, цель и задачи исследования; проанализированы методология и методы работы; раскрыта научная новизна диссертации; дана характеристика источниковой базы; выявлена научная и практическая значимость диссертации; приведены сведения об апробации результатов диссертационного исследования, раскрыта структура работы.

В *первой главе* «**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МАТЕРИНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**» рассматриваются основные тенденции в институционализации и развитии материнских исследований в зарубежной науке, раскрыта специфика изучения родительства в российском научном дискурсе, проанализированы наработки в этой области гендерологов, антропологов и этнографов, социологов, историков повседневности, историков медицины,

представлен анализ основных подходов, методов, а также используемых источников в современных историко-этнологических исследованиях материнства.

Институционализация материнской темы в зарубежной историографии. Motherhood studies – молодое междисциплинарное направление в западной науке, объединившее историков, социологов, антропологов, этнографов, гендерологов, философов, филологов, психологов, целью которого является всестороннее изучение комплекса тем, связанных с материнством. Путь к институализации материнской темы на Западе проходил в рамках социальной и культурной антропологии, а также параллельно в различных направлениях социальной истории: истории семьи, детства и женской истории (women's studies). Изучение семьи и детства в прошлом актуализировало историю родительства и споры о сути «хорошего» и «плохого» материнства. Возникновение материнства в качестве особого социального института большинство историков связывало с развитием буржуазного общества, просвещением народа, трансформацией семейных моделей и роли ребёнка в обществе. Антропологический ракурс исследований обратил внимание историков на изучение изменений в материнских практиках (прокреативном поведении, проведении беременности, подготовке к родам, родах, грудном вскармливании, материнской сексуальности, уходе за ребёнком) и эмоциональных переживаниях матери. В рамках motherhood studies было убедительно доказано, что материнская забота и любовь не являются универсальными категориями. Они зависят от исторических, культурных, географических, климатических условий, этнической, расовой, классовой, групповой, религиозной принадлежности индивидов. В современных феминистски ориентированных исследованиях материнство всё реже связывают с половой принадлежностью индивида.

Западные исследования отличает широта тематик и глубина изучаемых вопросов, среди которых: трансформация института материнства, материнская любовь и взаимоотношения с детьми, антропология беременности и родов, социальное законодательство о матерях, матери и социально-экономические катаклизмы, феминизм и материнство. Основными спорными моментами в зарубежной историографии были и остаются: соотношение между биологическим и социальным материнством; противоречия между запросами общества к «хорошим» матерям и восприятием самих женщин собственной фертильности; материнская любовь и её проявления в разные исторические периоды; особенности эмоциональных переживаний матерей.

Сторонники материнских исследований ввели в научный оборот много новых источников, среди которых значительную часть составили женские эгодокументы, позволившие «услышать» матерей прошлого и сделать их равноправными субъектами исторического, а также источники медицинского характера. Историки материнства широко применяли в собственных исследованиях антропологически ориентированный, социально-

конструктивистский, феминистский подходы, гендерно-чувствительные методы, этнометодологию.

Впервые к изучению материнства в прошлом России, несмотря на скудность источников, обратились американские учёные в 70-е годы⁹⁵. «Советский эксперимент» в сфере семейных отношений вызывал живой интерес у американских социологов, антропологов и историков. В связи с этим основная часть исследований была посвящена изучению родительства в советской России. В большинстве случаев зарубежные исследователи касались материнской темы сквозь призму гендерной, семейной истории, а также истории родительства, детства, сексуальной культуры. Один из существенных недостатков исследований – характер применяемых источников. Исследователи, в особенности обращавшие к дореволюционному периоду российской истории, крайне редко привлекали новые архивные материалы. Их работы основывались на изучении уже опубликованных источников, которые принадлежали известным общественно-политическим деятельницам, чей опыт материнства представлял не типичную, а исключительную картину поведения россиянок. Подобный подход приводил к схематизации и чрезмерному обобщению выводов.

Западный опыт развития материнских исследований доказывает, что без наличия соответствующих знаний в области этнологии, антропологии, социологии, психологии, гендерной истории невозможно полноценно заниматься изучением материнских практик в прошлом и настоящем. Европейскими и американскими историками были разработаны основные подходы и методы исследования материнства.

Несмотря на значительное число работ, связанных с изучением материнства в России, до сих пор не появилось концептуального исследования, «вписавшего» историю российских матерей в общемировую историю материнства, историю женщин и социальную историю. Если исследователи советского периода сделали определённые успехи на этом пути, то история материнства в царской России освещается фрагментарно, избирательно. Отдельные аспекты материнства становились чаще не предметом исследований, а «деталью» к женскому образу той или иной эпохи.

Исследования материнства в российском научном дискурсе. Несмотря на кажущуюся пестроту отечественных исследований, связанных с проблемами семьи и родительства, в отечественной историографии отсутствуют концептуальные работы по истории и антропологии материнства. В то время как на Западе *motherhood studies* имеют внушительную библиографию, в России это направление только начинает зарождаться.

Впервые к изучению материнских практик в контексте исследования традиционных народных обрядов обратились дореволюционные этнографы. Институционализация материнской темы не происходила, так как учёных

⁹⁵ Ransel D. (ed.) *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*. Urbana: University of Illinois Press, 1978.

интересовали прежде всего семейные традиции, обряды, связанные с вступлением в брак, с родительскими отношениями, с родинами, с воспитанием детей. Дворянское сословие, не маркируемое народной культурой, выпадало из поля зрения этнографов. Круг источников складывался из собственных наблюдений, рассказов крестьян, фольклористики. Материнская тема нашла частичное отражение в исследованиях дореволюционных врачей, демографов, изучавших основные тенденции в брачном поведении, рождаемости, детской смертности. Материнская повседневность игнорировалась в дореволюционных исследованиях по истории женщин, так как не рассматривалась в качестве исторически и социально значимой.

В советский период историографии определённые результаты были достигнуты в изучении родительских отношений, положения матери-работницы, социалистической системы охраны материнства и детства в СССР. Экскурсов в историю не осуществлялось, анализировалось «текущее состояние дел». Набор источников был традиционен – преимущественно статистические данные. Некоторые социальные группы и целые исторические периоды выпадали из поля зрения исследователей.

Новые горизонты в исследовании родительства были намечены в конце 1980-х годов И.С. Коном и Н.Л. Пушкарёвой⁹⁶. В постсоветский период И.С. Кон определил общетеоретические подходы к исследованиям родительства⁹⁷, а Н.Л. Пушкарёва⁹⁸ была первой, в чьих работах на материале русского средневековья были сделаны выводы об особенностях национальной модели репродуктивного поведения. После этих публикаций в постсоветской историографии, в связи с существенными изменениями в методологических подходах и обнаружившимися возможностями тематического разнообразия исследований, материнские практики стали всё чаще рассматриваться этнографами⁹⁹, социологами¹⁰⁰,

⁹⁶ Кон И.С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. 1987. № 6. С. 31-38; Кон И.С. Маргарет Мид и этнография детства // Мид. М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 398-426; Пушкарёва Н.Л. Положение женщины в семье и обществе Древней Руси. Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1985; Пушкарёва Н.Л. Женщина в древнерусской семье (X–XV вв.) // Советская этнография. 1988. № 4. С. 87-98; Пушкарёва Н.Л. Семейный быт Древней Руси: отношения детей и родителей // Традиции семьи. Свердловск, 1988. С. 248-263.

⁹⁷ Кон И.С. Ребёнок и общество. М.: Academia, 2003; Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. № 2. С. 151-174.

⁹⁸ Пушкарёва Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 72-79; Пушкарёва Н.Л. «Будь, мое дитятко, счастливо и талантливо...» (традиционные обычаи и ритуалы первых часов жизни ребёнка) // Материнство. 1998. № 7. С. 81-84; Пушкарёва Н.Л. Изучение истории русского материнства в отечественной историографии советского и постсоветского времени // Материнство и детство в России (XVII–XXI вв.) / Ред. Ю.А. Поляков. М., 2006. С. 111-127; Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47-59; Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе. 2000. № 1. С. 9-24.

⁹⁹ Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15-27; Белоусова Е.А. Представления и верования, связанные с рождением ребёнка: современная городская культура: Дис. канд. культуролог. наук. М., 1999; Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века. М.: Наука, 2001; Белоусова Е.А. Представления и верования, связанные с рождением ребёнка: современная городская культура: Дис. канд. культуролог. наук. М., 1999; Родины, дети, повитухи в

историками повседневности¹⁰¹. В то же время на фоне значительных успехов в изучении женской и гендерной истории, мать так и не стала полноценным субъектом в исторических работах. Институализация материнских исследований в качестве самостоятельного научного направления в отечественной науке до сих пор не произошла.

Во *второй главе* **«СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ «ИДЕАЛЬНОЙ МАТЕРИ»: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДИСКУРСЫ И СМЕНА КОНЦЕПТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА»** представлен анализ основных каналов формирования «нового материнства», воплотившегося в появлении различных материнских типов. Изучению подлежал также процесс «воспроизводства» материнства на уровне отдельно взятых семей, посредством анализа части культурантропологии девичества, связанной с психосексуальным развитием, половым просвещением и материнской социализацией девочек.

Актуальные концепции материнства в общественно-политическом, медицинском и публицистическом дискурсах России во второй половине XIX – начале XX века. Изучение общественно-политического, медицинского и публицистического дискурсов второй половины XIX – начала XX века продемонстрировало, что процесс формирования культурного императива материнства начался не в условиях советского этакратического гендерного порядка, как полагают отечественные учёные, а уже во второй половине XIX века. До середины XIX века в России не было жёстких стандартов, определявших материнское поведение. Материнские практики дворянок, как правило, ограничивались биологическим актом воспроизводства.

Обращение к теме материнства со стороны широких общественных кругов второй половины XIX века в России было вызвано не только проблемой детской смертности (она касалась прежде всего социальных низов), но и явилось ответной реакцией на женскую эмансипацию в дворянских кругах. Российские врачи, педагоги, литераторы стали предъявлять к матерям широкие требования, тем самым конструируя модели их поведения. Материнство превращалось в важнейший социальный статус дворянки и в общественный институт. К началу XX века представителями различных «экспертных» сообществ, а также общественно-политическими деятелями были сформулированы представления о

традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М.: РГГУ, 2001; Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М.: ИЭА РАН, 2012.

¹⁰⁰ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998; Исупова О.Г. Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребёнок нужен только Вам») // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98-107; Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008; Тёмкина А.А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: ЕУСПб, 2008.

¹⁰¹ Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – сер. XIX вв.). Автореф. дисс... д.и.н. М., 2009; Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010; Верemenко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – нач. XX в.). СПб.: Европейский дом, 2009; Верemenко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015.

«сознательном», «экспертном», «профессиональном», «свободном», «интенсивном», «универсальном» материнстве. Ввиду малочисленности среднего класса восприимчивыми этих концепций, в отличие от стран Западной Европы и США, стали представительницы привилегированного сословия, так они располагали соответствующими ресурсами (свободным временем, финансовыми средствами, знаниями).

В связи с общеэкономической отсталостью, запоздалыми либеральными реформами, неразвитостью научного знания в области медицины (прежде всего в акушерстве и педиатрии) концепция «сознательного материнства» в России стала распространяться на полвека позже, чем в США и в странах Западной Европы. Идеи «сознательного», «экспертного», «профессионального» материнства, столь популярные в России, имели две важнейшие стороны. В России зарождалось материнство в современном его понимании, при котором мать-дворянка оказывалась активной участницей воспитательного процесса. Дети становились смыслом семейной жизни, её центром («детоцентристские семьи»), а материнство – важнейшей сферой проявления гендерной идентичности дворянок. В то же время за лозунгами «сознательного», «экспертного», «профессионального» материнства скрывалось бессознательное стремление части российского общества приостановить чрезмерную активность дворянки на общественном поприще, привязать её к семье и детям, убедить в том, что материнство – единственно важная социальная роль. Эти концепты, с одной стороны, были призваны спасти разрушавшуюся патриархальную семью с её жесткими гендерными ролями и статусами. С другой стороны, в результате развития акушерских и педиатрических знаний с помощью новых конструктов материнства происходила медиализация, коммерциализация материнства и детства. Репродуктивное поведение населения, женское тело становились объектами пристального внимания «экспертов». В отношении женщин формировались «политики тела», которые можно рассматривать как способ управления и контроля над ними.

В ответ на рефлексию мужских представлений об идеальной женственности в среде эмансипированных дворянок, по преимуществу горожанок, зарождались концепции «свободного» и «универсального» материнства. Конструкт «свободного материнства» в наибольшей степени повлиял на развитие женской самоидентичности, так как он позволял женщине самостоятельно делать выбор в отношении собственных социальных ролей, а также давал возможность реализовываться в различных сферах деятельности.

Обращение власти к решению вопросов, связанных с охраной материнства и детства, было следствием общественных дискуссий, развернувшихся в условиях либерализации России. Результат дискуссий воплотился в осознании на высшем государственном уровне необходимости социальной поддержки материнства. Формировалась концепция «социально-интегрированного материнства». Реализация государственных проектов началась в сложных условиях, во время Первой мировой войны, что доказывает высокую степень зрелости материнской

темы в обществе. Это опровергает тезис западных исследователей, которые считали, что к решению проблем материнства власти подошли без достаточного на то обсуждения в обществе. В конечном итоге, под влиянием общественно-политического диспута, хотя и значительно позже, чем на Западе, в России начался процесс модернизации института материнства.

Культурантропология девичества: сексуальное воспитание дворянок и процесс материнской социализации во второй половине XIX – начале XX века. Изучение специфики психосексуального развития девочек-дворянок, основываясь на девичьих нарративах, частных случаях, раскрытых на страницах медицинской литературы, продемонстрировало противоречивость полового воспитания и низкий уровень материнской социализации дворянок. Основная причина состояла в амбивалентном отношении российского общества к девичьей сексуальности. Девушкам из привилегированного сословия предписывалось демонстрировать свою непорочность и непросвещённость в вопросах половых отношений, но при этом умело кокетничать и флиртовать. Несмотря на либерализацию пореформенного российского общества, женскую эмансипацию, развитие научных знаний в области акушерства и гинекологии, разрушение патриархатных устоев и запретов, на всём протяжении XIX века в области сексуального просвещения дворянок не происходило заметного сдвига. В девичьем восприятии половые отношения ассоциировались с «позором», «животным наслаждением», «скверностью», «всякой грязью», «неведомой силой», «двойной жизнью», «половой похотью», «надругательством над душой».

В условиях существования многочисленных запретов на проявление подростковой сексуальности, ограничения общения девочек с представителями противоположного пола в девичьем поведении прослеживались противоречивые формы сексуального поведения: однополая привязанность, неврозы на сексуальной почве, неразборчивость в выборе объектов первой влюбленности. В девичьем «обожании» современники не видели ничего предосудительно из-за отсутствия в отношениях сознательного сексуального подтекста, а также определённых телесных практик. Анализ девичьих эгодокументов демонстрирует инфантильность их обладательниц и крайнюю степень непросвещённости в вопросах, связанных с половым развитием, сексуальными отношениями и женской фертильностью. Переход из девичества во взрослое состояние сопровождался тяжелейшими эмоциональными потрясениями. Репрессированная девичья сексуальность, сложности и противоречия психосексуального развития девочек оказывали влияние на дальнейшие самоощущения дворянок в качестве жены и матери.

Изоляция девочки-дворянки от семейных забот матери, ухода за новорожденными (братьями и сестрами), табуирование матерью собственной беременности и родов приводили к тому, что молодые дворянки, выйдя замуж, были не подготовлены к материнским ролям, что усугубляло драматизм их переживаний, особенно в условиях конструирования типа «сознательной матери».

Знания взрослых девушек о собственных репродуктивных функциях были настолько ограничены, что многие из них появление детей связывали с поцелуем, с нежными романтическими ухаживаниями, с одним фактом присутствия рядом с мужчиной. Полученные дворянками сведения об особенностях зачатия и деторождения от более старших подруг, от замужних сестер, из медицинской и художественной литературы воспринимались ими в метафорах «страх», «страдание», «ужас», «смерть», «боль», «постыдный акт».

Видимые изменения в сфере сексуального просвещения и интимных представлений дворянок в России стали происходить в начале XX века, вследствие десакрализации полового вопроса, широкого распространения специальной медицинской литературы, декадентских настроений в русской художественной литературе, падения многих моральных запретов в условиях бурно менявшегося общественного уклада.

В третьей главе **«АНТРОПОЛОГИЯ БЕРЕМЕННОСТИ ДВОРЯНОК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА»** выявлены основные причины и средства рационализации репродуктивного поведения дворянок, формирования нового типа брачности, оказавшие существенное влияние на проведение дворянками беременности, на их повседневную жизнь и эмоциональные переживания.

Рационализация репродуктивного поведения дворянок. Во второй половине XIX века наблюдался интенсивный процесс трансформации репродуктивного поведения в дворянском сословии в сторону его рационализации. Вследствие либерализации страны, распада ценностей традиционной патриархальной семьи, разорения поместного дворянства, активизации публичной деятельности женщин, эмансипационного движения формировался новый тип брачности. Происходил революционный процесс автономизации сексуального и прокреативного поведения дворянок. Рационализация их репродуктивного поведения выражалась в существенном сокращении числа деторождений, повышении брачного возраста и возраста первой беременности, широком распространении средств контрацепции. Новый тип рождаемости сформировался чрезвычайно быстро – на протяжении одного поколения. Изменение женского репродуктивного поведения способствовало трансформации самого института материнства. Сокращение числа деторождений в жизни женщины в условиях социального конструирования «идеального материнства» приводило к тому, что дворянки стали осознавать особую ценность материнских ролей, наблюдался рост материнской сознательности и активно распространялись идеи «детоцентризма».

Контроль над рождаемостью становился важной частью повседневной жизни дворянских семей. Он выражался в распространении средств искусственной контрацепции и появлении абортивных практик в дворянской среде. Несмотря на острую критику контрацептивов в конце XIX века, их распространение стали пропагандировать российские врачи в начале XX века. Представители

медицинского сообщества были вынуждены согласиться с тем, что в выборе между абортивной практикой, инфантицидом, масштабным распространением сифилиса и использованием противозачаточных средств, последнее является предпочтительным. В этой части интересы дворянок и интересы врачей совпали. Данный процесс отражает положительное влияние медиализации, которая может рассматриваться не только в качестве утраты способности женщин влиять на свою жизнь, но и как важный процесс, позволяющий женщинам планировать материнское и репродуктивное поведение, основываясь на личном выборе. В условиях запрета продажи контрацептивов в странах Европы и США, в России новинки фармацевтической промышленности открыто рекламировались на страницах столичной и провинциальной прессы. Между тем в обществе сохранялось амбивалентное отношение к контрацепции. Вхождение новой практики в повседневную жизнь замужних дворянок было сложным и противоречивым процессом по причине репрессированной женской сексуальности, табуирования вопросов, связанных с половыми отношениями. Большое количество женских «предохранительных средств» позволяют считать саму контрацепцию не столько мужским, сколько женским делом.

Использование контрацептивов в супружеской жизни давало возможность дворянкам освободиться от цепи стихийных, нежелательных беременностей и деторождений, тем самым создавая условия для освоения ими иных сфер деятельности и поиска новых форм гендерной идентичности. Планирование семьи становилось важной составляющей семейной жизни дворян. В конечном итоге право на свободу деторождения, немислимое без ограничения рождаемости, привело к появлению «свободного материнства».

Особенности нарратива чувственно-эмоциональных переживаний вынашивания детей. Описание собственной беременности занимает существенную часть женской дворянской эгодокументалистики. Дворянки второй половины XIX века охотнее делились переживаниями, связанными с процессом деторождения, нежели их предшественницы, что можно объяснить менявшимся в обществе отношением к материнству и материнским ролям. Состояние беременности дворянок сопровождалось сложными эмоциональными переживаниями.

На протяжении второй половины XIX века происходила десакрализация состояния беременности, которая из глубоко интимного акта в жизни женщины превращалась в процесс, предполагавший сосредоточение сил как самой женщины, членов её семьи, так и представителей «экспертного» сообщества – врачей, акушеров. Репродуктивные способности, женское тело становились объектом для врачебного наблюдения и контроля. Происходил процесс «интенсификации тела» дворянки и медиализации её состояния. Врачебный патронаж беременных, доступный обеспеченным слоям населения, становился символом нового, «сознательного» отношения женщин к материнским обязанностям.

С актуализацией концепции «сознательного материнства», ростом числа «детоцентристских» семей, распространением популярной медицинской литературы дворянки стали уделять значительное внимание подготовке к будущим родам и материнству. Врачебный патронаж беременных, сдача анализов, чтение специальной медицинской литературы, новый рацион питания, особые приспособления для сохранения красоты тела («нагрудники», «набрюшники», «бандажи»), подготовка к родам (покупка гигиенических принадлежностей, обезболивающих, «наборов для родов»), новые манипуляции с собственным телом (подготовка к лактации, предупреждение растяжек) отражали трансформацию повседневности беременных дворянок в сторону медиализации. Несмотря на существенные изменения в проведении беременности в жизни дворянок индустриальной России, сохранялись традиционные практики диагностики беременности и определения даты родов, табуирования вида женщин в положении, ограничения их передвижений, безразличного отношения к признакам шевеления плода, продолжительного ношения корсетов.

Поведение женщин во время беременности, их переживания во многом были обусловлены двумя важнейшими факторами: количеством деторождений, характером взаимоотношений с мужем, а иногда и с матерью. Главное отличие от современного восприятия события рождения ребёнка состоит в том, что столетие назад к беременности и разрешению от бремени относились не как к чудесному событию, а как к болезни, требовавшей немедленной врачебной помощи. Состояние беременности актуализировало сложные эмоциональные переживания, среди которых страх собственной смерти и смерти ребёнка, деперсонализация женского «Я», боязнь появления больного ребёнка. Имея за плечами опыт родов, переживая все последствия послеродового восстановления, погружённые в уход за детьми, дворянки воспринимали новую беременность зачастую не с радостью, а со страхом и отчаянием.

Официальный медицинский дискурс, общественная мораль продолжали выражать нетерпимое отношение к бездетности. Неспособность забеременеть в большинстве случаев рассматривалась в качестве женской проблемы. Беременность вне брака традиционно относилась к тягчайшему преступлению против нравственности, в связи с чем внебрачную беременность дворянки старались скрыть всевозможными способами. Новой тенденцией в репродуктивном поведении дворянок стало появление «плодоизгнаний», которые в условиях роста акушерских знаний и медиализации приобретали форму аборт по медицинским показаниям, «преждевременных родов» и «выкидышей».

В четвертой главе «РОДИНЫ В ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИЙ» представлен анализ трансформации родин в дворянской культуре, вызванной развитием акушерских знаний, европеизацией образа жизни дворян, медиализацией и коммерциализацией частной жизни, и её влияние на эмоциональные переживания роженицы.

Родильные практики и процесс медикализации деторождения в дворянских семьях. Под влиянием практического внедрения новых достижений в акушерстве и гинекологии, повышения уровня подготовки отечественных врачей, коммерциализации материнства в дворянском сословии на протяжении второй половины XIX века формировалась отдельная культура рождения, для которой были свойственны особые процедуры, действия, состав участников. Сложно говорить о складывании отдельной родильной обрядности в среде дворянства, уместно характеризовать данное явление, как процесс стереотипизации их поведения¹⁰² и выработки определённых универсалий в сфере деторождения.

К основным чертам родин в дворянской среде начала XX века можно отнести следующие: распространение домашних родов; ограничение призыва на роды профессиональных врачей (их присутствие не означало непосредственного присутствия в родовом процессе), предпочтение отдавалось акушеркам; относительно слабая (по сравнению со странами Западной Европы и США) медикализация родовой деятельности; роженице отводилась пассивная роль; обязательное присутствие мужа на родах; физически и психически женщины были не готовы к предстоящему событию; роды проходили сложнее, чем в других социальных группах; послеродовое восстановление затягивалось; сохранялась процедура «правки» ребёнка; для восстановления дворянки прибегали к новейшим изобретениям (болеутоляющие, «набрюшники», бандажи, «гигиенические подушки», «дамские пояса», «регулоприемники»). Домашние роды в дворянских семьях оказались сферой пересечения традиционных практик (отказ от стационарной медицинской помощи, появление на свет ребёнка в домашней обстановке, семейные молитвы накануне родов, привлечение повитух, вера в приметы, молебны, «правка» ребёнка) и инноваций, связанных с развитием научного знания (предродовое просвещение на основе специальной медицинской литературы, приобретение накануне родов особых медицинских приспособлений, призыв профессиональных врачей и акушеров, использование современных болеутоляющих, применение новейших средств, облегчавших послеродовое восстановление). Вследствие медикализации репродуктивного поведения дворянок, беременность и роды стали рассматриваться в качестве патологии, особого болезненного состояния, требовавшего интенсивного вмешательства представителей врачебного сообщества.

Домашнее пространство у дворян считалось самым подходящим для разрешения женщины от бремени. Если среди крестьян присутствовала маргинализация «родимого» места, роженица нередко выбирала нежилое, периферийное место, то в дворянской среде роды происходили в супружеской спальне. Спальня превращалась в аксиологический центр, где во всех смыслах зарождалась новая жизнь. Роженица и её семья накануне предполагаемого

¹⁰² Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 8.

события должны были самостоятельно подготовить все необходимые для родов атрибуты и приспособления (родильную комнату, средства гигиены, специальные медицинские предметы, а иногда и инструменты), а также договориться с врачом, акушеркой или повитухой. В условиях доминирования домашних родов акушеры превращались в могущественных покровителей семьи, от которых зависело супружеское и семейное счастье. Привлечение на роды врача или акушера/акушерки, чьи услуги оценивались в несколько раз выше, чем услуги повитух, считалось выражением благосостояния семьи. Предпочтение отдавалось женщинам-врачам и акушеркам.

Послеродовое восстановление у дворянок протекало, в отличие от крестьянок, непросто и хлопотно. На время восстановления родильницы в обеспеченных семьях нанимали особый персонал: сиделку для женщины и кормилицу для новорожденного. Послеродовой период у дворянок всё больше медикизировался. Им на помощь приходили новейшие средства медицины и фармацевтической промышленности. Эти нововведения были призваны сохранить красоту женского тела и снизить возможность появления гинекологических патологий.

В дворянских семьях исчезали символические ритуалы, сопровождавшие родовой процесс в крестьянской среде; обрядовая сторона играла всё меньшую роль. Контроль над родами переходил в руки квалифицированных специалистов, которые вместо ритуалов использовали современные медицинские средства и манипуляции. Шла апробация новой технократической модели родов, когда тело становилось объектом медицинских манипуляций в большей мере, нежели объектом контроля его хозяйки¹⁰³. Медикизация родов, формирование технократической модели родовспоможения оказывали существенное влияние на поведение самой роженицы, от которой мало что зависело; её состояние, действия, тело находились под полным контролем экспертов. В России, в отличие от стран Западной Европы и США, фармацевтические средства и врачебные технологии ещё только входили в обиход, и сохранялся тесный контакт «пациента» и врача.

Несмотря на развитие стационарной медицины, открытие родильных отделений, отчёты медицинских учреждений свидетельствуют, что дворянок среди пациенток родильных домов практически не было. В дворянской автодокументалистике описания родов в стационаре встречаются крайне редко.

Гендерные различия в восприятии и эмоциональном переживании родов. Изучение «текстов рожениц» демонстрирует легитимацию важнейшей телесной практики в жизни женщины не только в женском письме, но и на уровне гендерного самосознания. Дворянки второй половины XIX – начала XX века на страницах дневников и воспоминаний охотнее делились описанием собственных родов по сравнению со своими предшественницами. В женском

¹⁰³ Davis-Floyd R.E. Birth as an American Rite of Passage. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1992. P. XVIII.

автобиографическом письме происходила десакрализация описания родов во многом благодаря научному дискурсу о сути материнства и важности подготовки к нему. Поскольку основной патриархатный гендерный порядок эрозировал очень медленно, постольку самосознание себя как главных героинь описываемых событий приходило к женщинам крайне редко. Они оставались во власти традиции, согласно которой, их собственные чувства и переживания были вторичными по отношению к переживаниям их мужей.

В представлении дворянок роды превращались в «метафору смерти». Для благородных дам, воспитанных в лучших традициях, первые роды являлись вторым драматичным потрясением в их жизни после дефлорации. Основными чувствами рожениц были страх смерти, сравнение себя с животным, деперсонализация. Причина женских страхов (в особенности при первых родах) крылась в низкой сексуальной, материнской социализации, травматическом опыте дефлорации и высоком уровне материнской смертности при родах. Среди наиболее часто встречающихся описаний своего состояния: «бесконечные мучения», «страдала, как смертельно раненная», «животная боль», «кричала, как безумная», «страшные мучения», «ужасные страдания». Несмотря на доброжелательную атмосферу домашних родов, дворянки воспринимали роды как пограничное (жизнь/смерть) состояние, причём роды рассматривались ими, скорее, как умирание, а не возрождение. За редким исключением дворянки характеризовали свои роды как «тяжёлые» или «трудные». Врачи также отмечали, что родовой процесс у женщин образованного класса чаще, чем у работниц и крестьянок, протекает с осложнениями. Окончание родового процесса не избавляло женщину от страхов, связанных с собственным состоянием и здоровьем новорожденного.

Необычайно важным для понимания особенностей семейных отношений, в том числе в обстоятельствах родов и послеродового восстановления, было привлечение материалов мужской автодокументалистики и обнаружение факта привычности и нормальности присутствия супруга и даже его психологического участия в таком женском деле и процессе, как роды. Если в народной среде кувада тоже весьма красноречиво характеризует славянскую и русскую традицию, то в среде дворянской соучастие мужей, их сопереживание страданиям жён было элементом формирования «нового отцовства» в среде образованных слоёв общества. Российские мужья гораздо раньше мужчин из стран Западной Европы и США стали принимать активное участие в течение родового процесса своих жён.

В *пятой главе «ИЗМЕНЕНИЯ В МАТЕРИНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: АНТРОПОЛОГИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МАТЬ-ДИТЯ»* анализируются различные материнские типы в дворянской среде, трансформация материнской повседневности, связанной с уходом за новорожденным, и изменения эмоциональных переживаний матерей, вследствие

медикализации ухода за младенцем и распространения конструкта «сознательного материнства».

Типы материнского поведения дворянок во второй половине XIX – начале XX века. Под влиянием значительных социально-экономических и политических процессов, модернизации и либерализации общества, развития научного и публицистического дискурсов о сути материнства среди дворянок к началу XX века оформились четыре основных типа женского поведения, связанных с пониманием «материнского долга» и со степенью ответственности (или безответственности) в вопросах материнского воспитания. Полный отказ от биологически предопределённых функций демонстрировали «новые женщины» эпохи, не просто участницы женского движения первой волны, но именно нигилистки и революционерки. Их пример доказывал невозможность совмещения для женщин столь различных социальных ролей: «сознательного материнства», погружённости в семью и в воспитательный процесс и занятий общественно-революционной деятельностью.

Раскрепощение женской дворянской сексуальности, десакрализация половых вопросов в начале XX века способствовали рождению другой поведенческой стратегии – «безразличных матерей», для которых материнство становилось препятствием на пути реализации свободы их женской чувственности. Свои личные цели они ставили превыше материнского долга и материнской ответственности.

Культивирование в общественном сознании «святости материнства» привело к появлению особого типа «сознательных матерей» – образованных, погружённых в воспитательный процесс, ставивших немногочисленных детей в центр своей семейной жизни. Формирование «новых матерей» осложнялось отсутствием у дворянок пореформенной России соответствующего родительского примера. В условиях модернизации материнства, превращения его в важнейшую социальную роль дворянки второй половины XIX века находились в сложной ситуации, так как им приходилось не «воспроизводить» материнство, а его заново воссоздавать. Важным отличием в развитии «сознательного материнства» в России по сравнению с Западом было то, что основными восприимчивыми этой идеи стали не буржуазные слои общества, число которых в социальной структуре было незначительным, а представительницы российского дворянства. Рецепция идей «сознательного материнства» зачастую зависела не столько от территориального проживания (город/усадьба), финансовых возможностей и степени знатности (аристократичности) дворянских семей, сколько от характера образованности и идеологической ориентации дворянских женщин.

В среде просвещённых дворянок зарождалось также «экспертное» и «профессиональное» материнство, выраженное в стремлении исполнять материнские роли, строго ориентируясь на специальную медицинскую литературу, в тандеме с «экспертами» (акушерами, гинекологами, педиатрами, педагогами), постоянно наблюдая за физиологическими, интеллектуальными,

нравственными особенностями развития ребёнка и фиксируя эти сведения в особых «родительских дневниках». «Экспертное» и «профессиональное» материнство распространялось в обеспеченных, образованных дворянских семьях, проживавших, как правило, в городской среде. Именно эти факторы создавали условия для постоянного контакта с врачами, педагогами, предоставляли возможность покупать достаточно дорогие товары, предназначенные для проведения беременности, подготовки к родам, послеродового восстановления, ухода за ребёнком.

Изучение многочисленных материнских текстов доказывает, что концепты «сознательного», «экспертного», «профессионального» материнства не способствовали росту в обществе материнской власти, о чём часто пишут зарубежные историки, а оказались манящей иллюзией, создаваемой прежде всего экспертами-мужчинами, терпящей фиаско в реальной жизни. Полностью отдаваясь материнству, следуя всем советам и рекомендациям экспертов, в конечном итоге матери-дворянки не чувствовали себя счастливыми.

Вследствие распространения идей женской эмансипации, роста женского самосознания, включения части дворянок в профессиональную деятельность, а также популярности «детоцентристской» риторики и культа «сознательного материнства» формировался тип «универсальных матерей». Его представительницы на собственном примере доказывали возможность совмещения материнства с активной публичной деятельностью, профессиональной реализацией, преодолевая утверждавшийся в гендерной системе российского общества принцип разделения сфер деятельности на исключительно мужские и женские. Этот процесс был немыслим без рационализации женской сексуальности.

Мать-дворянка между личными устремлениями и общественными предписаниями. Эмоциональные переживания матери-дворянки второй половины XIX – начала XX века были крайне противоречивыми. Изучение материнских практик, идеологии материнства, озвученной сообществом «экспертов», демонстрирует, что в этот период формировался институт материнства в современном его понимании. Женщины из привилегированного сословия находились в наиболее выгодных условиях (в силу своей образованности, высоких моральных качеств, относительной обеспеченности) для рецепции идеологии «истинного материнства». Педагоги, врачи, литераторы посредством всевозможных «политик тела», нравственных призывов идеализировали материнство, вводя его в ранг особого женского предназначения. Происходил процесс «профессионализации» материнства, вследствие чего мать, наравне с врачами и педагогами, превращалась в «эксперта» воспитательного процесса. Прежде основная миссия замужних дворянок ограничивалась природным актом деторождения; воспитание детей не входило в круг их обязательных занятий, оно перекладывалось на плечи многочисленной прислуги. В новых условиях матерям-дворянкам приписывали роли кормилиц,

воспитательниц, педагогов, врачей. Дети должны были стать центром их жизни, сосредоточением всех физических, эмоциональных, нравственных свойств и качеств. Защитники концепта «идеального материнства» предписывали образованным женщинам не просто проводить дни напролёт со своими детьми, но и «профессионально» соблюдать свои материнские обязанности посредством изучения соответствующей литературы, бесконечных врачебных консультаций, наблюдения за детьми и составления «родительских дневников». Женщин убеждали в том, что это их истинное и единственное предназначение. В распространении «родительских дневников» следует видеть две стороны. С одной стороны, они были призваны восполнить отсутствие регулярного педиатрического патронажа, с другой – привязать мать к ребёнку, делая его центром материнского существования.

Борьба с традиционно практиковавшимся привлечением кормилиц в семье дворян совпала со временем начала активного социального конструирования образа «сознательной матери». Вопреки врачебным утверждениям о важности материнского вскармливания как для здоровья дитя, так и для его матери, несмотря на объявление этой практики в медицинском и публичном дискурсах «святой обязанностью» каждой женщины, «кормиличный промысел» в России не угас даже в начале XX века. Дворянки в большинстве своём не были готовы отказаться от услуг кормилиц (как по причине неспособности самостоятельно проводить грудное вскармливание из-за физиологических особенностей организма, нехватки молока, различных заболеваний, так и по причине нежелания обременять себя новой телесной практикой). Процесс найма кормилиц всё больше медиализировался (медицинские осмотры кормилиц, сдача анализов крови и молока) и коммерциализировался (открытие частных бюро по подбору кормилиц).

На практике подавляющее большинство «новых матерей», тщетно следовавших всем заветам «экспертов», не выдерживали подобного ритма жизни. Столкнувшись в реальности со всем грузом материнских забот, не готовые к ним ни физически, ни психически, они впадали в отчаянное состояние. Интеллектуально, нравственно, эстетически развитые женщины не могли полностью реализовать себя посредством одного только материнства. Это не означало, что материнство ставило крест на личных устремлениях дворянок. Это говорило в пользу того, что для существования «нового материнства» отсутствовали иные, кроме концепта «идеального материнства» и готовности женщин приносить себя в жертву, условия. Женщины не имели возможности совместить радости материнства и личностную самореализацию ввиду незрелости форм государственной поддержки и стереотипов в отношении гендерного поведения. Для гармоничного развития института материнства необходимы были определённые гарантии со стороны государства, появление нового отношения отцов к своим обязанностям и изменение гендерных стереотипов в обществе.

Модернизация материнской заботы и предметного мира ребёнка.

Появление материнства в качестве особого социального института, сопровождаемого сложными психическими переживаниями женщин, выражалось в существенных трансформациях взаимоотношений между матерью-дворянкой и её грудным ребёнком. Размеренная, спокойная жизнь девушки-дворянки после замужества и рождения детей превращалась в существование, наполненное беспокойствами и страхами. Вследствие новой формировавшейся идеологии «сознательного материнства» на мать обрушивалось огромное число долженствований и обязательств, к которым она не была подготовлена. Прежде материнство являлось областью частной жизни, на протяжении второй половины XIX века оно приобретало характер публичных действий и становилось сферой социальной деятельности женщины.

Существование большинства матерей замыкалось на детях. Они отвечали за жизнь и здоровье ребёнка, сложно переживая любые возникавшие у него отклонения от нормы. Низкая доступность педиатрической помощи, отсутствие квалифицированного лечения и соответствующих медикаментов, а также многочисленные заблуждения в отношении правильного ухода за грудным ребёнком приводили к тому, что смерть детей была частой спутницей семейной жизни. Если в многодетных крестьянских семьях на гибель ребёнка смотрели относительно спокойно, то для матери-дворянки детская смерть, в условиях сокращения числа деторождений и возросших требований к её поведению, превращалась в тяжелейшую драму, отнимавшую у неё главный предмет материнской заботы и деятельности.

Страх перед смертью ребёнка, осознание своей беспомощности приводили к тому, что мать стремилась заручиться поддержкой квалифицированного педиатра. В обеспеченных дворянских семьях стал зарождаться педиатрический патронаж. Формировался тандем «ответственной матери» и частнопрактикующего педиатра. Они направляли совместные усилия в борьбе за жизнь и здоровье новорожденных. В дворянской среде были выработаны различные формы реализации врачебного патронажа и консультирования. Данная тенденция свидетельствовала о процессе профессионализации материнства. Мать всё более доверяла не народным приметам, народной медицине, советам родственников, а научным знаниям.

Практические шаги на пути реализации многочисленных проектов по поддержке материнства и младенчества осуществляли в основном филантропические организации. В то время как в столичных городах получили распространение педиатрические консультации и частично врачебный патронаж, в провинции, ввиду крайнего недостатка средств, организованная педиатрическая служба продолжала оставаться исключением. Кроме этого, общественные и государственные силы были ориентированы на оказание помощи беднейшим матерям, мать-дворянка не рассматривалась в качестве объекта государственной педиатрической помощи. Потребность в привлечении многочисленных ресурсов

по формированию системы врачебной и социальной помощи всем без исключения матерям в России назрела к началу Первой мировой войны. Эти проекты стали разрабатываться на уровне столичной власти и органов местного самоуправления, но так и остались, по очевидным причинам, в статусе обсуждаемых.

Трансформация материнства, культ ребёнка в дворянских семьях совершили «революцию» в предметном мире новорожденного. «Сознательная мать» была озабочена тем, чтобы окружить ребёнка новинками европейской и отечественной промышленности, выпускающей детские товары. Существенные изменения происходили в младенческом питании. Широкое распространение искусственного вскармливания было обусловлено как борьбой с «кормиличным промыслом», так и стремлением врачебного сообщества противостоять высокой младенческой смертности, вызванной плохим питанием. Медикализация материнства, выражавшаяся в желании матерей следовать врачебным наставлениям, одобрителное отношение отечественных педиатров в начале XX века к молочным детским смесям также способствовали росту популярности искусственного детского питания. В сложных условиях военного времени формировалась культура детского искусственного вскармливания.

Появление на отечественном рынке многочисленных и разнообразных детских принадлежностей свидетельствовало в пользу устойчивого на них спроса. Несмотря на модернизацию быта новорожденных, не происходило полное замещение консервативных способов ухода за ним. С одной стороны, присутствовали новейшие тренды: детская мебель, призванная обеспечить самостоятельность передвижений («грядки», манежики), отказ от небезопасных качалок в пользу детских корзинок, колыбелей; частые прогулки на коляске; отказ от «свивальников» и распространение свободной детской одежды; популярность развивающих игрушек. С другой стороны, продолжали существовать средневековая практика пеленания, призванная «править» ребёнка; использоваться ходунки; годовалых девочек облачали в типичную одежду для взрослых дам (употребление корсетов, платиц с декольте, пренебрежение детскими панталончиками); практиковалось раннее введение прикорма и др. Предметный мир младенца явился сферой, где сосуществовали как новейшие, так и традиционные средства и практики.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ подводятся итоги диссертации, формулируются основные выводы исследования.

Всесторонний анализ существующей зарубежной и отечественной научной литературы по антропологии и истории материнства, а также изучение значительного числа женских эгодокументов, материнских нарративов, детских и девичьих «текстов», «тестов рожениц», предметов материальной культуры и визуальных изображений, историй болезней, медицинских отчётов позволили прийти к следующим выводам.

История, антропология и этнология материнства – важнейшая составная часть материнских исследований, характеризующихся крайней

междисциплинарностью. Невозможно изучать, описывать, анализировать материнские практики прошлого без привлечения знаний в области антропологии, этнографии, истории, психологии, социологии, демографии. Впервые motherhood studies были актуализированы в США и в странах Западной Европы. В исторических работах материнские практики рассматривались не автономно, а во взаимосвязи с социально-экономическими, культурными тенденциями развития того или иного общества. Особое внимание уделялось изучению трансформации материнской повседневности, эмоциональных переживаний матерей прошлого. В современных отечественных исследованиях, благодаря развитию гендерной истории, исторической этнографии, культурной и социальной антропологии, медицинской антропологии, актуализации новых исследовательских методов и источников, созрели предпосылки для выделения материнской темы в качестве самостоятельного направления междисциплинарного научного поиска.

Противоречивость запросов в отношении материнского поведения в условиях буржуазной модернизации, либерализации российского общества, развития движения женской эмансипации, медикализации частной жизни, противостояния консервативных, либеральных и радикальных течений в общественной жизни отразилась на появлении различных идеалов материнского поведения. К началу XX века в России сформировался культурный императив материнства, включивший в себя представления о «сознательном» (осознанное и активное участие матери в уходе за ребёнком и его воспитании, отказ от услуг кормилиц, особое внимательное отношение к беременности и подготовки к родам), «экспертном» (тесный контакт матери с представителями «экспертного сообщества» – врачами, педагогами; акушерские, гинекологические и педиатрические заключения приобретали особую важность в материнской повседневности), «профессиональном» (материнские обязанности рассматривались в качестве наиболее оптимального женского труда; матерям предписывалось изучать научную литературу, связанную с воспитанием детей, вести «родительский дневник», посещать специализированные курсы и выставки), «свободном» (свобода репродуктивного поведения женщины, рационализация женской сексуальности), «универсальном»/«расширенном» (представительницы демонстрировали успешное сочетание материнства с профессиональной деятельностью), «социально-интегрированном» (помощь матерям в уходе за ребёнком и его воспитании оказывали различные социальные учреждения), «интенсивном» (мать погружена в воспитательный процесс, исполнение материнских обязанностей эмоционально насыщено, при этом на её плечи ложится немалая доля финансового обеспечения семьи) материнстве. Создателями концептов «нового материнства» стали представители «экспертного сообщества» – врачи, педагоги, литераторы, общественно-политические деятели, церковнослужители. Рецепцию новых запросов в отношении материнского поведения могли произвести исключительно дворянки, располагавшие временными и интеллектуальными ресурсами. Женщины из низших сословных

групп, безграмотные в большинстве своём, занятые в ежедневной трудовой деятельности, не имели возможности стать адептами «нового материнства», в их среде сохранялись традиционные практики деторождения, ухода за детьми и их воспитания.

Концепты «сознательного», «экспертного», «профессионального» материнства были направлены не столько на заботу о здоровье ребёнка, сколько на пропаганду соответствующих конструкторов женского поведения и формирование новых стереотипов гендерных ролей в обществе. Возникшие концепции, озвученные по большей части мужчинами, были призваны ограничить деятельность дворянской женщины домашним пространством, привязав её к сознательному исполнению материнских обязанностей. Недостижимые идеалы «нового материнства» вставали на пути реализации женской свободы, эмансипации и возможности освоения дворянками иных форм гендерной идентичности.

Противоречивость запросов в отношении женского поведения присутствовала на всех этапах материнской социализации. Воспитание дворянских девочек было ориентировано на развитие в них амбивалентных черт характера и поведения. Ограниченность девичьего поведения рамками социальных норм, многочисленные эмоциональные запреты, непонимание тех физиологических явлений, которые с ними происходили в период пубертата, депривация девичьей сексуальности, смутные представления и страхи, связанные с будущей детородной функцией, – всё это оказывало негативное влияние на реализацию материнских практик и приобретение материнской идентичности.

Вслед за социальным конструированием идеалов материнства, развитием медицинских знаний и их практическим воплощением существенным образом трансформировалась материнская повседневность: состояние беременности, родины, уход за новорожденным. Женское тело, женская фертильность становились областью «экспертного» контроля, происходила медиализация и коммерциализация материнства.

В дворянской среде во второй половине XIX века формировалась отдельная культура рождения, для которой были свойственны особые процедуры, действия, состав участников. Родильный акт в представлении самих женщин получил определённую степень легитимации благодаря научному дискурсу о сути материнства и важности подготовки к нему. Вопреки распространению родильных отделений, предоставлявших квалифицированную акушерскую помощь, в дворянской среде продолжали доминировать домашние роды, в рамках которых шла апробация новой технократической (биомедицинской) модели родов. Процесс медиализации оказался не столь интенсивным, формирование новой технократической модели родов осложнялась живучестью традиционных практик родовспоможения. Процесс деторождения в дворянской среде явился сферой пересечения традиционных практик и новаций, связанных с развитием научного знания.

Под влиянием социального конструирования «нового материнства», а также вследствие медиализации частной жизни, «детоцентристской» политики пореформенного общества происходила модернизация ухода за детьми, оказавшая существенное влияние на характер взаимоотношений матери и грудного дитя. Идеология «сознательного материнства», профессионализация матерей приводили к тому, что женщины в повседневных заботах о детях всё чаще доверяли не своему внутреннему чувству, традициям, бытовавшим в сфере ухода за ребёнком, наставлениям знакомых и родственников, а специалистам – квалифицированным педиатрам. Педиатрический патронаж только зарождался, но уже тогда тандем «сознательной матери» и врача становился символом нового материнства.

Изучение эмоциональных переживаний «новых матерей» эпохи демонстрирует противоречивое и сложное положение матери-дворянки, разрывавшейся между всепоглощающим материнством и личными устремлениями. Это отразилось на особо драматичном, болевом материнском письме. Имея огромный потенциал к интеллектуальной, профессиональной деятельности и личностному самосовершенствованию, дворянки зачастую не могли самореализоваться, ограничивая своё существование следованием долгу «сознательной матери». Формирование «нового материнства» осложнялось отсутствием у дворянок индустриальной России соответствующего родительского примера. Принцип «воспроизводства» материнства был нарушен. Дворянкам приходилось заново создавать образец материнского поведения, так как пример поведения их собственных матерей разительно отличался от новых запросов общества.

Гармоничной реализации дворянок в качестве «сознательной матери», ощущению всех радостей материнства мешала незрелость социальных институтов, призванных облегчить бремя матери, и доминирование принципа «разделения сфер» в семейной жизни. Мужья в большинстве случаев дистанцировались от воспитания детей, их сферой самореализации становились общественная служба и публичные мероприятия. Требовались существенные изменения в гендерной системе общества, отец наравне с матерью должен был разделять радости и тяготы родительства; государство – формировать систему охраны материнства и детства, позволяющую женщине реализоваться как Мать и как Личность.

В тоже время в рассмотренный период в развитии института материнства происходили важные тенденции, оказавшие существенное влияние на современное понимание ответственного родительства. Наблюдался процесс «рационализации сексуальности», формировалось новое репродуктивное и брачное поведение дворянок, что явилось естественным процессом перехода от традиционного к индустриальному обществу. Ввиду общей социально-экономической отсталости России он начался на полвека позже по сравнению со странами Западной Европы. Дворянки получили возможность самостоятельно

контролировать собственную детородную функцию посредством использования контрацептивов. Революционный процесс автономизации сексуального и прокреативного поведения, рационализация репродуктивных практик женщин приводили к трансформации института материнства и оказывали важнейшее влияние на формирование нового гендерного порядка в обществе. В указанный период зарождалось особое ценное внимание к «материнским состояниям»: подготовке к зачатию, проведению беременности, подготовке к родам, послеродовому восстановлению. Зарождалась новая культура репродуктивного поведения. Трансформация института материнства оказала значительное влияние на модернизацию детства. Она выражалась в изменении отношения к ребёнку и развитии «детоцентристских» семей.

Таким образом, исследование материнства в дворянской среде на временном отрезке, связанном с важнейшими процессами в российской истории – индустриальным развитием, разрушением ценностей патриархального мира, либерализацией общества, женской эмансипацией, трансформацией социальных и гендерных ролей, продемонстрировало противоречивое и зависимое положение женщины в российской культуре и в обществе мужского доминирования, сложность легитимации эмоциональных переживаний материнства и материнской сексуальности, тяжесть обретения собственной гендерной идентичности в условиях социального конструирования идеалов материнского поведения.

Анализ общественно-политического, медицинского, публицистического дискурсов, в которых раскрывались представления о «новом материнстве» и «идеальной матери», параллельное изучение субъективно воспринимаемой матерями-дворянками повседневности, представленной на страницах женских нарративов, показали, что в указанный исторический период происходило «рождение» материнства в качестве сложно переживаемого «изнутри» и противоречиво конструируемого «извне» социального института. Материнство приобретало черты социального (формирование культа материнства и многочисленных запросов в адрес материнского поведения), биологического (как важной части проявления женской идентичности в изучаемый период), социомедицинского (области врачебного контроля), психического (связано с комплексом материнских переживаний вследствие недостижимости идеалов материнства) феномена.

Важно отметить, что проведённое исследование актуализировало депривированный в отечественной исторической науке источник – «материнские тексты», – ту часть женских эгодокументов, в которой женщины рассказывали не о важных исторических событиях, описывали не значимых исторических деятелей, а вели повествование о собственном антропологическом опыте материнства.

Наконец, изучение материнской повседневности прошлого – ключ к пониманию отечественной национальной традиции, женской, гендерной, социальной, повседневной истории России. Полноценное включение материнства

в отечественные исторические и антропологические исследования в качестве самостоятельного предмета научного рассмотрения – новый важный шаг в развитии женской истории, новое выражение её феминистского проекта, заставляющего признать самоценность объективного изучения женского социального и индивидуально-личного опыта посредством анализа субъективных переживаний. Без такого включения действительное обновление российского научного гуманитарного знания было бы, как мне представляется, неполным.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

I. Научные статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК (курсивом обозначены статьи, опубликованные в журналах из международных баз цитирования – Scopus, Web of Science)

1. Мицюк Н.А. *История материнства в англоязычной историографии* // *Вопросы истории*. 2014. №10. С. 167-175.
2. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. *Домашние роды в российских дворянских семьях (конец XIX – начало XX в.)* // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 5. С. 167-183.
3. Мицюк Н.А. *Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века* // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. № 1. С. 21-33.
4. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. *Кормиличный промысел в России в 1850–1917 гг.* // *Вопросы истории*. 2016. № 3 (принято к печати).
5. Мицюк Н.А. *Родительский дневник – важный источник в репрезентации истории семьи, детства дореволюционной России* // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2015. № 4. С. 56-63.
6. Мицюк Н.А. «Чем мы хуже мужчин?» (Смоленская общественность и «женский вопрос») // *Известия СмолГУ*. 2012. № 1 (17). С. 240-247.
7. Мицюк Н.А. «Образование не для одной только гостинной». Феномен провинциальных женских пансионов // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 2 (63). С. 3-9.
8. Мицюк Н.А. «Делай добро, Христа ради!»: Организованная и частная благотворительность дворянок в провинции во второй половине XIX века // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2012. № 14. Вып. 2. С. 65-79.
9. Мицюк Н. «Соня опять беременна, а Маня завидует». Деторождение в жизни дворянок пореформенной России // *Родина*. 2013. №7. С. 136-138.
10. Мицюк Н.А. «Вера, Надежда, Любовь...» // *Родина*. 2013. № 9. С. 92-96.
11. Мицюк Н.А. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // *Женщины в российском обществе*. 2014. №2. С. 17-29.
12. Мицюк Н.А. Средства контрацепции в повседневной жизни дворянок на рубеже XIX–XX веков // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2014. № 2. Вып. 14. С. 49-68.
13. Мицюк Н.А. История материнства в России на страницах зарубежной (англоязычной) историографии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. Т. XVII. № 4 (75). С. 162-177.
14. Мицюк Н.А. Отказ от материнства как жизненная программа. Об умонастроениях женщин в России на рубеже XIX–XX веков // *Человек*. 2015. № 2. С. 77-96.

15. Мицюк Н.А. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX–XX вв. // Женщины в российском обществе. 2015. № 2. С. 90-104.

16. Мицюк Н.А. Проблема материнства в современных зарубежных исторических исследованиях // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 2. С. 124-135.

17. Мицюк Н.А. История материнства (motherhood studies) в России // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 128-147.

18. Мицюк Н.А., Пушкарёва Н.Л. Гендерные различия в восприятии родового акта (к истории российской дворянской повседневности конца XIX – начала XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Серия История. Политология. 2015. Т. 35. № 13. С. 133-142.

19. Мицюк Н.А. Коммерциализация материнства: детские смеси в России начала XX века // Родина. 2016. *(принято к печати)*.

20. Мицюк Н.А. Охрана материнства и младенчества в России в условиях Первой мировой войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 1. *(в печати)*.

II. Монографии

21. Мицюк Н.А. Женщины российской провинции XIX – начала XX в.: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск: Свиток. 2013. 416с.

22. Мицюк Н.А. Рождение матери. Субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. Смоленск: СГТ, 2015. 384с.

III. Другие публикации в научных журналах, тезисы докладов

23. Дмитриева Н.А. Организация акушерской медицинской помощи в Смоленске во второй половине XIX – начале XX в. // Сборник материалов I международной межвузовской конференции студентов и молодых учёных славянских государств. СГМА. Смоленск, 2007. С. 80-84.

24. Дмитриева Н.А. Вклад Н.И. Пирогова в развитие женской эмансипации в России // Вестник Смоленской медицинской академии. 2007. №4. С. 102-104.

25. Дмитриева Н.А. «Перед нами закрыты все дороги» (Идея эмансипации в смоленской провинции в XIX веке) // Вестник Смоленской медицинской академии. 2009. №4. С. 99-100.

26. Дмитриева Н.А. Н.И. Пирогов и «женский вопрос» в России //Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. №1. С. 22-23.

27. Мицюк Н.А. Колыбель педиатрии: охрана здоровья детей в Воспитательных домах XVIII века // Вестник Смоленской медицинской академии. 2010. №4. С.111-115.

28. Мицюк Н.А. «Борьба с плодоизгнанием» и «сохранение жизни неповинных младенцев» в XIX веке. // Сохрани мне жизнь. Проблемы репродуктивного здоровья. Научно-практическая конференция с международным участием. 19 мая 2011. Смоленск: СГТ. 2011. С. 95-98.

29. Мицюк Н.А. Детская смертность в первой половине XIX века и методы борьбы с нею // Медицинские вести регионов. 2011. №1. С. 66-69.

30. Мицюк Н.А. С.П. Голицына и открытие первого детского приюта в Смоленске // Край Смоленский. 2012. №3. С. 26-30.

31. Мицюк Н.А. Провинциальные дворянки у истоков охраны детства и материнства // «Сохрани мне жизнь». Проблемы репродуктивного здоровья. Научно-практическая конференция с международным участием. 18 мая 2011. Смоленск: СГТ, 2012. С. 93-98.

32. Мицюк Н.А. Провинциальная статистика как важнейший источник в репрезентации гендерной истории российской провинции (на основе опубликованных материалов) // Статистика и краеведение: история, опыт и перспективы. Материалы региональной научно-практической конференции. Смоленск: Свиток, 2012. С. 81-86.

33. Мицюк Н.А. Детерминанты формирования публичного пространства провинциальной дворянки пореформенной России (микросоциальный анализ) // Материалы V международной научной конференции «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен». 4–7 октября 2012. Т. I. Тверь. Москва: ИЭА РАН, 2012. С. 222-226.

34. Мицюк Н.А. Семейные практики общественной деятельности в Смоленской губернии // Сборник научных статей «Смоленск в судьбе России». 26–27 ноября. 2012. Смоленск: Свиток, 2012. С. 91-99.

35. Мицюк Н.А. Влияние российской модернизации XIX века на повседневный мир провинциальных дворянок // Образование, культура, просветительство как фактор развития регионов: Материалы международной научно-практической конференции. 6–7 ноября 2012. Смоленск. 2012. С. 27-32.

36. Мицюк Н.А. «Новая идейная дворянская семья» в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. // Общество. Гендер. История: сборник статей II Всероссийской научной конференции с международным участием. Ноябрь 2012. Липецк. 2012. С. 62-67.

37. Мицюк Н.А. Филантропическая деятельность дворянок в провинции. Открытие первого детского приюта в Смоленске // Детский дом. № 44 (3). 2012. С. 43-47.

38. Мицюк Н.А. «Женский патриотизм» в контексте дореволюционной российской провинции // Патриотизм и гражданственность в истории России: сб. материалов международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. С. 137-142.

39. Мицюк Н.А. Протекание беременности в дворянской среде пореформенной России // «Сохрани мне жизнь». Проблемы репродуктивного здоровья. 3-я научно-практическая конференция с международным участием. 17 мая 2013. Смоленск: СГТ, 2013. С. 151-156.

40. Мицюк Н.А. Благородные дамы – зачинатели организованной социально помощи детям дореволюционной России (на материалах Смоленской губернии) // Отечественный журнал социальной работы. 2013. №2. С.43-53.

41. Мицюк Н.А. Антропология дворянской беременности (вторая пол. XIX – нач. XX в.) / Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы VI международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3-6 октября 2013. Нальчик. Т. 2. Нальчик: Каб-Балк. Ун-т. 2013. С. 158-160.

42. Мицюк Н.А. Женские егo-документы как источник по изучению трансформаций социокультурной среды и повседневной жизни провинциального города // Сборник материалов X Конгресса антропологов и этнологов России. Екатеринбург, 2–5 июля 2013. Москва. 2013. С. 180.

43. Мицюк Н.А. Повседневная жизнь обитательниц Смоленского епархиального женского училища // Край Смоленский. 2013. № 4. С. 27-35.

44. Мицюк Н.А. «Первые леди» Смоленской губернии в социальном служении Отечеству // Смоляне на службе Отечеству. Материалы научно-практической конференции. Смоленск. 2013. С. 134-141.

45. Мицюк Н.А. Институализация Motherhood studies в зарубежной историографии // Пол. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой международной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: в 2-х томах / Ред. Н.Л. Пушкарёва, О.Д. Попова. М.: ИЭА РАН. 2014. Т. 1. С. 64-67.

46. Мицюк Н.А. Русский феминизм и идея «свободного материнства» // «Сохрани мне жизнь» (Здоровье семьи как основа духовно-нравственного, психического, социального и репродуктивного потенциала) // Материалы 4-ой междисциплинарной научно-практической конференции с международным участием (Смоленск, 28–29 мая 2014 г.). Смоленск: СГТ. 2014. С. 143-147.
47. Мицюк Н.А. Среда большого города и среда бездетности в России на рубеже XIX–XX веков // Антропология города глазами молодых исследователей. По материалам конференции молодых учёных. Москва, 22–24 декабря 2014 г. / Ред. Н.И. Халдеева, Е.Б. Баринова. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 188-197.
48. Мицюк Н.А. Опыт борьбы с детской смертностью в первой половине XIX в. // Смоленский медицинский альманах. 2015. № 3. С. 135-141.
49. Мицюк Н.А. Этнокультура эмоций: гендерные различия в восприятии родового акта (на примеры высших слоёв общества индустриальной России) // Сборник материалов XI Конгресса антропологов и этнологов России. Екатеринбург, 2–5 июля 2015. Москва–Екатеринбург: ИЭА РАН, 2015. С. 457.
50. Mitsyuk N.A. Contraception in everyday life of Russian noblewomen at the beginning of the 20th century // collection of reports of International Federation for Research in Woman's History (IFRWH) Conference, Jinan, China, August 2015. P. 26-27.
51. Мицюк Н.А. Забота о материнстве и младенчестве в России в условиях Первой мировой войны // Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов: материалы VIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 8–11 октября 2015. Москва–Старый Оскол: ИЭА РАН, СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. Т. 2. С. 43-48.
52. Мицюк Н.А. Рационализация репродуктивного поведения аристократок в условиях городской среды пореформенной России (1860–1917 гг.) // Гендерна політика міст: історія і сучасність: матеріали IV міжнар. наук.-практ. конф., Харків, 6–7 жовтня 2015 р. / Ред. Н. Бібік, Г. Фесенко, О. Першай. Харків. нац. ун-т міськ. госп-в ім. О. М. Бекетова. Харків: ХНУМГ ім. О. М. Бекетова, 2015. Вип. 5. С. 187-190.
53. Мицюк Н.А. Практика домашних родов в дворянской среде XIX–XX вв. // Бюллетень НИИ Общественного здоровья Н.А. Семашко. Материалы международного симпозиума «Актуальные вопросы истории медицины и здравоохранения», ноябрь 2015, Москва. М., 2015. С. 128-130.